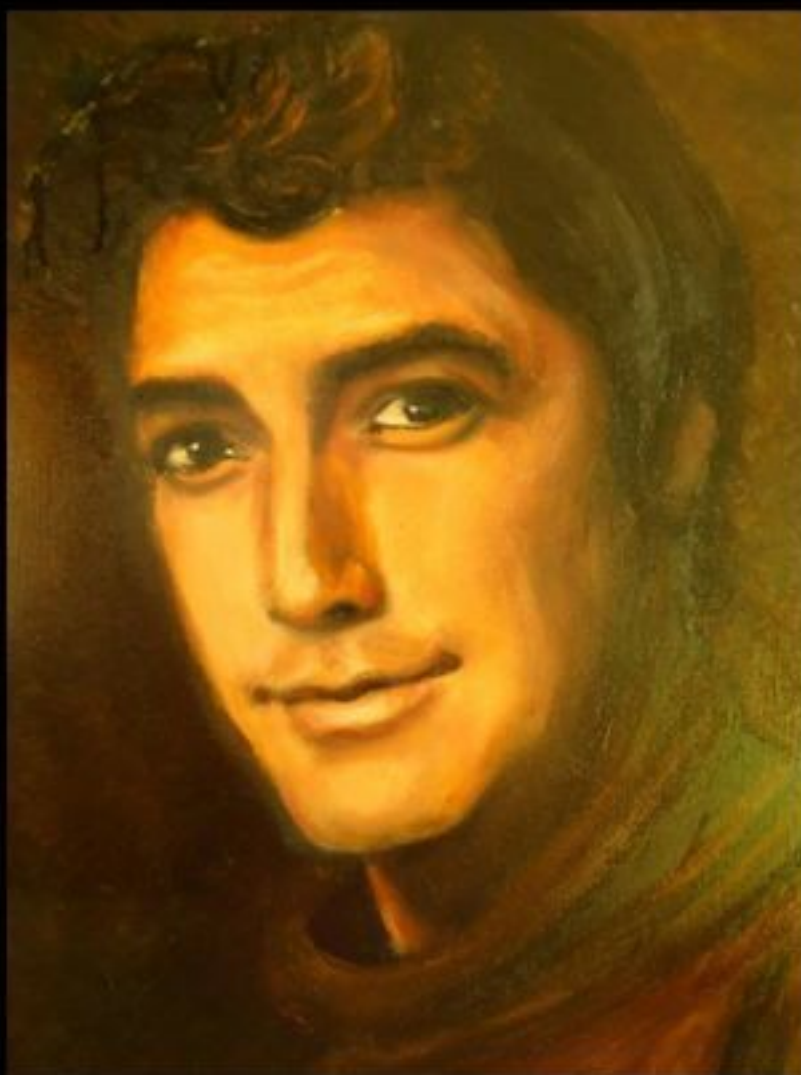

Натали Бизанс
Исповедь

Мистический роман. Книга первая

Натали Бизанс

**Исповедь. Мистический
роман. Книга первая**

«Издательские решения»

Бизанс Н.

Исповедь. Мистический роман. Книга первая / Н. Бизанс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830841-3

Эрик ни на кого не похож, держится от своих новых одноклассников особняком. Это и притягивает Наташу. Таинственная его душа однажды приоткрывается для неё, но чистой и искренней дружбе не дано перерасти в нечто большее. Молодой человек решает стать католическим священником. Много изменится прежде, чем они поймут, что жить не могут друг без друга. Это не «Поющие в терновнике», здесь любовь побеждает всё!

ISBN 978-5-44-830841-3

© Бизанс Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	27
Часть 2	29
От Эрика 1	29
От Эрика 2	31
От Эрика 3	32
От Эрика 4	35
От Эрика 5	37
От Эрика 6	40
От Эрика 7	42
От Эрика 8	45
От Эрика 9	47
От Эрика 10	50
От Эрика 11	53
От Эрика 12	56
Часть 3	58
Наташа 1	58
Наташа 2	60
Наташа 3	63
Наташа 4	65
Наташа 5	67
Наташа 6	69
Наташа 7	72
Наташа 8	75
Наташа 9	77
Наташа 10	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Исповедь Мистический роман. Книга первая

Натали Бизанс

Портрет на обложке Татьяна Юрьевна Туртанова

© Натали Бизанс, 2018

ISBN 978-5-4483-0841-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

Светлой памяти Эрвэ Кярэса (Herve Caraes) посвящается, чья жизнь, как вечный духовный подвиг, навсегда останется в наших сердцах.

Ранняя весна. Один из тех дней, когда солнечные лучи начинают пригревать замёрзшую землю. Первые подснежники доверчиво тянутся к свету. Нежная зелень пробивается сквозь слегка приоткрытые почки на ветвях деревьев. Ожилились птицы, поют днями напролёт. Воздух напоен ароматами возрождающейся природы. Лишь в тенистых местах ещё сохранились остатки старого льда и снега, плачущие ручьями о своей незавидной судьбе.

Вторая парта у окна – моё любимое место, можно поглазеть на улицу, если на уроке скучно. После затяжной зимы так мучительно ждёшь тепла, и вот, приходит это долгожданное время, а ты вынужден сидеть на уроках в запертом помещении, смотреть в книги, слушать, читать, писать, отвечать, делать вид, что сосредоточен на очередном задании. А сердце рвётся на волю, вдохнуть, насладиться, налюбоваться весной...

В дверь постучали, вошла директриса с незнакомым парнем. Он высокий, худощавый, хорошо сложенный, с непривычно длинными тёмно-русыми волосами. Такие причёски обычно носят музыканты, но не ученики нашей школы. Я не в силах отвести взгляд, как зачарованная, смотрю на него. Он ни на кого не похож, никогда раньше таких не встречала. Это не просто любопытство, что-то в нём до глубины души взволновало меня. Возможно, глаза, или выражение лица, такое спокойное, уверенное в себе, даже будто безразличное к происходящему.

– Наш новый ученик, прошу любить и жаловать – Эрик Вишневский! Он совсем недавно переехал жить в наш город и будет учиться в этом классе, – сказала она.

Новичка посадили за последнюю парту в среднем ряду, куда весь класс проводил его взглядом. Директриса ушла, продолжился урок. Трудно заставить себя не обернуться, так хочется понаблюдать за ним, разглядеть как следует... Надо признаться, что это чувство преследовало меня весь этот день.

На перемене ребята обступили Эрика, задавая ему вопросы (кто он, откуда, зачем переехал, чем занимается), но и это, кажется, не смутило его. Он так спокоен, словно всю жизнь провёл в этом городе и учился в нашем классе. На вопросы отвечает коротко, без особого интереса, пропуская мимо ушей злобные подковырки, отпущенные кем-то из мальчишек, но не смотрит при этом вызывающе. Он вполне дружелюбен, хоть и отстранён, словно прибывает на своей волне.

– Да, что вы все хотите от него? Сразу видно: лапоть-лаптем, вот и косит под дурачка! послышался раздражённый голос Вовки-Бугая, нашего местного «королька». Он пнул ногой стоящий рядом стул и уставился на Эрика, выпятив грудь (Вова несколько раз оставался на второй год и был старше всех, выше и сильнее). В классе повисла гробовая тишина. Все замерли, ожидая ответа на брошенный вызов. Эрик медленно поднялся, бесстрашно глядя ему прямо в глаза, чётко выговаривая каждую букву негромким сдержанным голосом:

– Ты же меня совсем не знаешь. К чему такие скороспелые выводы? – он продолжал в упор смотреть на Бугая.

Тот удивился, не ожидая встретить отпор, но стараясь остаться по-прежнему «крутым», театрально сплюнул на пол и прошипел:

– Сразу видно: маменькин сыночек! Терпеть таких не могу!

Эрик не отреагировал и на это, ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Это твои проблемы, – так же спокойно ответил он.

Вовка первый не выдержал, отвернулся и вышел из класса, что-то шипя себе под нос. Все разочарованно разбрелись, зрелище не состоялось. После этого Эрика многие зауважали, никто не пытался его больше цеплять.

Пролетали день за днём, все уже попривыкли к новенькому, и, поскольку он был одиночкой (как кот – сам по себе) его постепенно перестали замечать. Видимо, этого он и добивался с самого начала: стать «невидимкой», чтобы никто и ни что не отвлекало его от собственных мыслей. Учился хорошо, друзей не заводил, в общественной жизни класса не участвовал, намеренно избегая всяческих вечеринок и походов, если они не были утверждены школьной программой. Всегда уравновешенный, поглощённый известными лишь ему одному мечтами, лишнего слова из него не вытащишь. Некоторые просто решили, что он зануда и ботаник, только не я. Всё больше притягивала его таинственность, странная любовь к уединению.

Весь мир для меня стал крутиться вокруг него одного. Его именем, голосом, образом вошла в моё сердце любовь.

Глава 2

День за днём становилось всё теплее. Появились первые листочки. Земля задышала, окончательно освободившись от белого ледяного панциря. Молодая травка нежной порослью зазеленела повсюду. Птицы занялись подготовлением гнёзд для будущего потомства, заливаясь трелями любовных признаний. Вот так и я наполнилась чувствами до самых краёв, ни есть, ни спать уже не могла без мыслей о нём.

Эрик меня даже не замечал, впрочем, как и всех остальных. А я, дурёха, всё таила в груди надежду, что делает он это намеренно, дабы не выдать себя. Что в глубине души, где-то очень глубоко, я ему, всё-таки, нравлюсь. Ведь не зря же, когда мы столкнулись с ним в коридоре, он помог мне собрать разлетевшиеся по сторонам учебники и так внимательно посмотрел!.. От одной мысли об этом меня бросало в жар, а потом знобило, и, вообще, перепады настроения – от упадка сил до восторженного полёта, сменялись несколько раз на дню.

Страшно было себе даже представить, как смогу пережить каникулы, когда выходные, и те, стали сущей пыткой. Я бежала в школу раньше всех, чтобы в окно увидеть, как он поднимается в гору перед школой, как заходит в класс, открывает сумку, достаёт учебники... У меня была возможность видеть его каждый день! Засыпая и просыпаясь с мыслями о нём, я не могла сосредоточиться ни на чём другом. Успеваемость падала, а вместо домашних заданий, я могла часами сидеть за столом, слушая в плеере музыку и вырисовывая его заветное имя и фамилию, даже просто, инициалы, украшая всё бесчисленными сердечками, звёздочками и цветами. Что может быть слаще? Когда спрашивали на уроках, я покрывалась густой краской и не могла промямлить ничего существенного. Учителя забеспокоились и начали обращать внимание на то, что «вечно где-то летаю в облаках». Я же беспечно упивалась своими чувствами и мечтами, с трудом отдавая себе отчёт, что впереди экзамены, и к ним необходимо готовиться.

На переменах вся школа отправлялась на улицу погреться на солнышке, подвигаться, посплетничать и поорать. В кругу одноклассниц, я молчаливо слушала, как девчонки делятся друг с другом планами на будущее лето, секретничают о парнях, о своих первых свиданиях...

– А ты что молчишь? Странная какая-то стала. Наташка, пошли завтра на дискотеку, наши все собираются! – Диана ткнула меня в бок, – У Генки днюха, обещал проставиться, зовёт всех в бар, побарствуем! – она расплылась в мечтательной улыбке.

– Нет, девочки, я не смогу, родителям обещала помочь на даче.

– Вечно у тебя какие-то дела находятся, – Ленка надула щёки, – а может, ты с кем встречаешься, только говорить не хочешь?

И тут наше внимание привлекла группа ребят, столпившаяся неподалёку. Судя по крикам, началась драка. Мы, подталкиваемые любопытством, подошли ближе.

Поединок был явно неравным. Вовка, наш одноклассник, бил кулаками какого-то паренька из параллельного класса. Он совсем уже не сопротивлялся, почти поник, пытаясь просто уходить, по возможности, от ударов. Вовка же не унимался и озверело продолжал молотить его своими огромными ручищами.

Я заметила Эрика, пробирающегося сквозь толпу, он был как всегда хладнокровно спокоен и полон внутреннего достоинства (которое никак нельзя назвать гордыней или чем-то подобным, скорее врождённым благородством, ненаносным, непоказушным, а настоящим, естественным от природы).

Эрик подошёл к Вовке и, схватив за рукав пиджака, оттолкнул его от парня, у которого уже потекла из носа и рассеченной губы кровь.

– Остынь! – голос Эрика был твёрдым, даже грозным.

– Чего?! – визгливо от возмущения заорал Вовка, он был потрясён такой наглостью!

– Нельзя показывать силу на слабых!

– Ах ты, интеллигент... (ненормативная лексика) – Вовка побагровел. – Давно тебя надо было... – он опять сплюнул, как при их первой встрече, так, словно хотел это сделать в лицо Эрику, но не решился. – Ну, давай, останови меня, попробуй!

В этот момент подоспел учитель, растащив их в разные стороны. Эрик помог пострадавшему мальчишке подняться, подал ему свой носовой платок:

– Ты как?

– Нормально, – всхлипывая, ответил парень. – Спасибо тебе!

– Помощь нужна? Может к врачу?

– Обязательно, отведи его в медкабинет! А с тобой особый разговор, Владимир, прошу на ковёр к директору! – физик схватил Бугая за шиворот и поволок за собой.

Толпа зевак разочарованно разбрелась. Раздался звонок. Все побежали на урок, я тоже, с трудом переставляя дрожащие от испуга ноги, поплелась к школе. Меня потрясло увиденное, а так же то, что Эрик (всегда очень внимательно относившийся к учёбе) так и не появился на следующем уроке. Всю биологию я сходила с ума и думала о том, что злосчастного Вовки-Бугая тоже нет в классе. А вдруг они встретились?..

Глава 3

Когда я выбежала из школы и оглянулась, двор был пуст. Рядом находился старинный парк и полуразрушенный замок, некогда принадлежавшие графской семье, и хорошо сохранившаяся конюшня (ныне переделанная в музей Народно-прикладного искусства). Ниже под холмом – католическая церковь, построенная всё теми же, канувшими в лету, графьями.

Меня потянуло туда интуитивно, неосознанно. Я шла по парку, которому было несколько сотен лет, пустынному, неухоженному, заросшему. Аллею перед замком полукругом ограждали огромные туи, говорят, что в центре этой поляны когда-то находился красивый фонтан. Теперь, всё забытое и почти похороненное под толщей времени, заросло плющом, малинником и сорной травой. После войны и прихода советской власти замок служил вначале учебным заведением, затем, вновь, по каким-то причинам, оказался заброшен и разрушался год за годом, постепенно превращаясь в руины.

Фрески замка, созданные итальянскими мастерами, были безжалостно зашпаклёваны и покрыты однотонной краской. Теперь, в местах где облупилась штукатурка, вновь пробивался на солнечный свет старинный замысловатый узор. Так хотелось всегда заглянуть в таинственное прошлое этого дворца, увидеть, каким он был.

Будучи ещё детьми, мы часто после школы развлекались тем, что отковыривали верхний слой со стен, представляя себя реставраторами и археологами, ценителями истории. На самом деле, наносили ещё больший вред памятнику архитектуры, ведь чаще всего штукатурка отлетала вместе с фрагментами старинного рисунка.

Окна дворца разбиты, залезть внутрь не составляет большого труда, достаточно подложить несколько досок. Воображение рисует фантастические картины: как по этим мраморным лестницам поднимались вельможи в огромный зал. Горел камин (в некоторых местах сохранились ещё остатки разноцветной узорной плитки, украшавшей его), звучала музыка, блестели канделябры, под светом сотен свеч кружились нарядные пары. Дамы, сверкая драгоценностями и обмахиваясь веерами, общались с кавалерами, смеялись и шутили...

Слуги суежились, разнося напитки и угощения. Кто-то влюблялся, и, наверное, тоже грустил. Сколько помнят эти стены радости и печали?..

От паркетного пола остались только редкие, чудом уцелевшие доски, сквозняки завывают в пустых коридорах, и неспешные тени прошлого ускользают в небытие. Я выкрикнула его имя, эхо ответило мне отголосками с разных сторон. Эрика в замке нет. Решив, что он должен быть, всё равно, где-то поблизости, вернулась в парк. Понятно, что перемена давно закончилась, и начался следующий урок, но оставить поиски – выше моих сил. Волнение возрастало, в голову лезли страшные мысли, что могло с ним произойти: «А вдруг Вовка его так сильно избил, что он лежит сейчас где-нибудь в траве, истекая кровью, и не может подняться! Если я его не найду, то случится что-то страшное...» Сама не заметила, как слёзы побежали по щекам, я ускорила шаг, обходя тропинки и повторяя как заклинание его имя, всё громче и громче.

Навстречу из густых зарослей парка кто-то вышел. Я даже остановилась от неожиданности и, через слёзы в глазах, узнала его. Походка Эрика, весь его вид говорил о том, что ничего плохого не произошло. Мне стало ужасно неловко за свои страхи и слёзы. Они выдавали мои чувства, но прятаться уже было поздно, и с дорожки не свернуть. Он подошёл ко мне, с удивлением вглядываясь в мои мокрые глаза:

– Что случилось, Наташа? Ты меня звала? Почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел? – не дожидаясь ответа, он взял мою руку в свои тёплые ладони.

Я не знала, что ответить, сказать правду было ещё более нелепо, чем весь мой расстроенный вид.

– Ничего страшного, – я опустила взгляд. – А ты? Где ты пропадал? На тебя не похоже, уже несколько уроков прошло...

– Да, я знаю. Мне нужно было побыть одному. Ты ведь тоже прогуливаешь, так получается?! в его глазах мелькнул ласковый и в тоже время игривый огонёк.

Улыбнулась в ответ, начиная приходить в себя. Он стоял совсем рядом, так близко, держал меня за руку. Я слушала его голос и наслаждалась. Солнце отражалось золотистым светом в его блестящих волосах, глаза цвета тёмного неба наполняли мою душу блаженством. Мы впервые разговаривали друг с другом, были наедине, и тепло его руки проникало мне в самое сердце. Я ощутила, как сильно и невыносимо больно люблю этого человека.

Мы шли рядом до самой школы, разговаривая как старые друзья, вся неловкость куда-то исчезла. Эрик открыл дверь и пропустил меня вперёд. Тут я вспомнила, что оставила свою сумку возле кабинета географии и побежала за ней. Началась перемена. Английский мною был безвозвратно пропущен (самый ненавистный урок из-за конфликтов с учительницей, а ещё потому, что Эрика не было рядом, ведь он изучал немецкий), ну и ладно, что-нибудь придумаю потом...

Эти мысли быстро покинули меня, стоило, повернувшись, поднять глаза. Сумка чуть не выпала из рук. В коридоре, с явным намерением выяснить отношения, стоял багровый от ненависти Вовка, стиснувший кулаки, а рядом с ним Эрик.

– Да ты же сопляк! Тебе кажется, что ты такой крутой, да?! Тебе просто морду никогда не били как следует! Да ты же ручки свои белые замарать боишься! Ты ж у нас и мухи не оби-дишь. А по-мужски слабо?.. – не унимался Бугай с явным намерением подраться.

Эрик ничего ему не отвечал, он слушал оскорбления, сыпавшиеся на него как из рога изобилия, и совершенно не реагировал на них. Не было на его лице и тени трусости или страха. Я видела, что он думает о чём-то совершенно своём, и слова пролетали мимо него как пули, неспособные попасть в цель.

Вовку это заводило ещё больше, он не унимался, но и тронуть Эрика не решался первым, ожидая, видимо, когда у него сдадут нервы.

– На тебя ж, придурка, ни одна девчонка не посмотрит!

И тут замкнуло у меня в голове, исполненная праведного гнева, я швырнула в Бугая сумкой и набросилась на него, вцепившись за грудки:

– Заткнись, урод! Сам ты ни одной девчонке не нужен! Да у тебя, кроме кулаков твоих и злобы, ничего в башке пустой нет! Его лицо скривилось в усмешке:

– Слышь ты, чувак, тут твоя ярая поклонница выискалась! И ты спрячешься за юбкой?! Эрик отодвинул меня в сторону.

– Чего ты добиваешься, Владимир?

Вовка сжал кулаки до хруста в костяшках:

– Да ты мне глубоко противен! Откуда ты выискался, такой справедливенький, честненький, чистенький?! Так бы и врезал по этой роже!..

– Можешь ударить. Возможно, тебе полегчает на какое-то время. Но, думаю, вряд ли тебе этого будет достаточно... Скорее покажется мало, потому что ты ничего не докажешь и не сможешь меня запугать, как привык это делать с другими. Я не стану тебя бить. Есть вещи гораздо более важные и убедительные, чем агрессия, первое из них – спокойная совесть.

Пока Вовка переваривал то, что услышал, Эрик медленно и спокойно взял свою сумку и направился к выходу.

Я не знаю, что на меня нашло, только я бросилась вслед за ним, догнала его, схватила за руку и у всех на глазах поцеловала её. Он вздрогнул, словно я обожгла его, и тёмно-синие глаза закричали от боли:

– Зачем?.. Зачем ты это сделала?! – у него был такой вид, как-будто я ударила его в самое уязвимое место.

Почувствовав себя полной идиоткой, я убежала куда глаза глядят, лишь бы исчезнуть, раствориться, провалиться сквозь землю!.. Когда я задохнулась от бега уже далеко за пределами школы, сердце было готово выскочить из груди и стучало у самого горла. С трудом переводя дыхание, я села на мягкую траву, всё в груди горело огнём, словно совершив преступление, проклинала себя. «Он никогда мне этого не простит! Что же я натворила, дуручка!» Не знаю, сколько прошло времени. Вдоволь наплакавшись, почувствовала, что стало легче. Решила больше не думать о том, что произошло, и чуть живая поплелась домой. Сумка, конечно, осталась в школе, но туда я бы не вернулась даже под дулом пистолета.

Думая о том, что скажу маме, прошла большую часть пути, опустив голову и повесив плечи. Нервный озноб периодически пробежал по телу как напоминание о том, что хотелось поскорее забыть.

Словно током ударило, когда увидела Эрика возле нашего дома с двумя школьными сумками в руках.

– Ты кое-что забыла, как мне кажется! – он улыбнулся, это была добрая, дружеская улыбка, без усмешки и подвоха.

От этого мне стало немного лучше, и предобморочное состояние прошло.

– Не думай ни о чём. Всё хорошо! Ничего не случилось... – его голос успокаивал и завораживал как гипноз. Он по-дружески приобнял меня за плечи и посмотрел в глаза:

– Наташа, можно тебя проводить?

Я молча кивнула, боясь вновь разреветься. Эрик довёл меня до самых дверей квартиры.

– Тебе нужно отдохнуть. Завтра будет новый день... – сказал он полушёпотом, тихо и даже ласково, наклонившись ко мне так, что волосы чуть коснулись моего лица.

– Спасибо тебе! – это всё, что я смогла сказать.

Войдя в квартиру, упала на кровать без сил, решив последовать его совету, на большее я была уже не способна.

Глава 4

По дороге в школу долго думала о том, как теперь себя вести по отношению к Эрику. После вчерашних красноречивых свидетельств моих чувств было страшно выглядеть окончательно глупой и потому я решила попросту не замечать его. К тому же, я до сих пор жутко злилась на себя за свой дурацкий порыв, да ещё и на глазах у некоторых ребят из нашего класса.

В общем, я весь день избегала его, опасаясь насмешек. Эрик, напротив, очень часто искал моего взгляда, я чувствовала это. Он был удивлён, судя по всему, этим странным переменам и продолжал тихо наблюдать за мной со стороны.

На большой перемене, когда весь наш класс вышел во двор школы проветриться, я сидела на скамейке прямо возле зацветающей яблони. Девчонки неподалёку о чём-то шушукались, и мне казалось, что обсуждают они на этот раз именно меня. И тут наши глаза встретились...

Нас разделяли всего несколько метров. Не могу сказать почему (объяснимо это только моей детской неопытностью и незрелостью), но я начала из кожи вон лезть, чтобы показать ему, как мне весело и хорошо. Несколько парней из нашего класса стояли рядом и увлечённо обсуждали какой-то смешной фильм, вчера показанный по телевизору, присоединившись к их беседе и наигранно громко хохоча, я позволила себе даже пококетничать с одним из них. Желая взглянуть на реакцию Эрика и в тайне надеясь разбудить в нём ревность моим «успехом», я оглянулась и нашла то место, где он раньше находился, пустым. И тогда до меня дошло, что я совершила очередную глупость.

Прозвенел звонок, все пошли в школу. Но в классе его опять не оказалось, не было и его школьных вещей. Второй день прогулов – в этом было что-то совершенно невероятное. Весь урок я испытывала жуткое чувство вины и не могла дожидаться звонка. Как только он прозвенел, наспех собравшись, я побежала в парк, тот самый, где мы встретились вчера.

В надежде его отыскать я бродила по тропкам, размышляя о том, какая я, всё-таки, дрянь, пока не услышала шаги позади себя, обернувшись, увидела Эрика. Он смотрел на меня пристально, серьёзно, словно размышляя, чего от меня ожидать на этот раз... Я пошла к нему навстречу, заливаясь краской до дурноты, и, через усилие, промямлила:

– Привет!

Он ничего не ответил, остановившись рядом. Я опустила глаза, не выдержав его прямой, пронизывающий взгляд, лишённый какой-либо злобы или обиды, но способный, как рентгеновские лучи, заглянуть внутрь самых удалённых уголков моей несчастной души.

– Прости меня, Эрик!

Он улыбнулся немного грустно и приподнял левую бровь:

– За что?

– За мою глупость, за дурацкое поведение, за то, что я всё делаю не так, за то, что я не такая как ты...

Он внимательно меня выслушал, выдержав паузу, во время которой мне хотелось провалиться сквозь землю, а потом ответил:

– Не стоит, Наташа, ты такая, как есть, нужно научиться принимать это. Ты только вредишь себе, пытаешься казаться тем, кем не являешься. Ведь Бог создал тебя с любовью.

– Эрик, ты веришь в Бога?

– А как в Него можно не верить? Он реальнее нас с тобой.

Его слова меня искренне удивили. Так неожиданно услышать нечто подобное от сверстника!..

– Хочешь, я тебе кое-что покажу?

– Конечно!

– Тогда пойдём! – он взял меня за руку и мы пошли по дорожке мимо графского замка, в разбитых окнах которого, как в пустых глазницах, ощущалось присутствие какой-то потусторонней силы, безмолвно наблюдавшей за нами из полумрака. У меня по спине пробежал холодный озноб.

– Тебе холодно? – Эрик нагнулся ко мне почти коснувшись лица, его дыхание я ощутила кожей, и холод сменился жаром. Душа наполнилась счастьем от того, что он рядом, от возможности слышать его, смотреть в глаза, ощущать тепло руки.

– Мне хорошо. «Когда ты со мной...» – подумала я.

Птицы по-весеннему щебетали отовсюду, заливаясь восторженно любовными песнями. На многовековых дубах шелестела молодая листва. Первоцветы, как маленькие солнышки, выглядывали из изумрудной травы. На кустах сирени уже появились соцветия. Разве можно было не влюбиться в это время, остаться равнодушным, когда весь мир источает вокруг весеннюю жажду любви?! Моя душа этой весной просыпалась от долгого сна, прощаясь с безоблачным детством.

Мы спустились по длинной лестнице, разговаривая о том, как когда-то здесь, наверное, было величественно и красиво. Внизу находилась графская церковь, теперь открытая для всех желающих зайти и помолиться.

Эрик открыл тяжёлую старинную дверь и пропустил меня вперёд. Я впервые вошла внутрь этого храма. Надо сказать, впечатление было сильным. Высокие готические своды создавали архитектурную мелодию, возвещавшую душе о величии Божьем. центральный алтарь, освещённый лучами от витража, играл радужными бликами. Помещение нельзя было назвать большим, но при этом в нём всё находилось в изумительной гармонии и сочетании: белые колонны, увенчанные золотыми коронами, удерживали балкон, на котором находился орган с множеством блестящих труб, украшенный резными узорами позолоченного дерева.

Сохранился и герб графского рода, как память о том, на чьи средства был воздвигнут храм. Эрик подводил меня к алтарям и рассказывал истории жизни святых, изображённых на иконах и статуях. Он так много знал, так интересно объяснял всё, я могла бы слушать его бесконечно. Как неожиданно он преобразился здесь! Его закрытая для чужих глаз душа распахнулась мне навстречу и впустила меня в свои потаённые глубины.

Я начала понимать, как важна для него вера. Становилось понятно, откуда берёт начало сила его духа: доброта, спокойствие, желание помочь и поддержать слабых, его уравновешенность и умение сдерживать кулак взглядом и словом, его стремление к уединению... Он старался быть незаметным для окружающих. Хотя, не заметить его, как мне кажется, мог только слепой, ведь он был по-настоящему красив, и эта красота была не только внешней, она шла изнутри тёплым светом, согревающим сердце.

– Ты был здесь вчера?

– Да, я каждый день прихожу сюда.

Это не укладывалось у меня в голове. Живя как все, думая как все, я просто не могла представить, что где-то рядом мой одноклассник молится и ходит в церковь, и уж тем более, что однажды я полюблю такого человека... Мне казалось, что вера – это удел старичков, собравшихся умирать, им то уже терять нечего и пора приготовиться к неизбежному. Ещё совсем недавно в нашей школе проводили уроки атеизма, и признаться в вере считалось чем-то постыдным. В глубине души я всегда знала, что есть нечто, что нельзя объяснить, есть что-то большее, чем материя, но никогда всерьёз не заостряла на этом своё внимание.

Подшли к большому распятию величиной в человеческий рост. Увидев, с каким благоговением Эрик опустил перед ним на колени и, закрыв глаза, начал молиться, я была совершенно поражена. Смотрела и не могла оторвать глаз, не смея пошевелиться, чтобы не нарушить священную тишину. Подумала о том, что даже не умею по-настоящему молиться. В советские

времена религиозность, мягко говоря, не приветствовалось. Но родители всё же тайно покрестили меня, посетив родственников в российской глубинке, на этом всё и закончилось.

Эрик вздрогнул, словно очнувшись, поднялся с колен:

– Прости меня, Наташа, я задумался. Ты, наверное, устала?

– Нет-нет, нисколько, мне интересно с тобой!

– Можно проводить тебя до дома?

– Я – только за!..

Мы шли опять совсем рядом, Эрик взял мою школьную сумку и нёс обе, повесив на плечо. А мне так хотелось снова взять его за руку, но я робела. Что-то не давало сердцу покоя, словно говоря: «Не забрать его у неба... Никогда не забрать».

Глава 5

На следующий день, а это была суббота, Эрик пригласил меня встретиться. Уже вечерело. Легкие сумерки опускались на город. Я люблю это время, до того, как зажгут фонари, когда цвета и краски становятся приглушёнными, и ты словно погружаешься в старое чёрно-белое кино с множеством полутонов, но это только на земле. Стоит поднять глаза и ты увидишь небо, ещё не чёрное, а тёмно-синее, как бархат, на котором появляются первые золотые звёздочки, и бледнолицая Луна смотрит на нас волнующе и вечно юно. Как редко удаётся поймать этот момент, разглядеть его волшебное прикосновение. Зажигаются фонари, и сказка заканчивается, переходя в свой обыденный жизненный ритм городской вечерней жизни.

Мы гуляли по улицам, словно старые друзья, обсуждали учёбу, Эрик обещал мне помочь с алгеброй, в которой я была (мягко говоря) не сильна, а также с физикой и химией. Я же радовалась любой возможности побыть с ним рядом, и, чем дольше, тем лучше, вообще бы не разлучалась никогда!..

– Зайдешь к нам на чай? Мама будет рада. Мечты сбываются!

Эрик жил в небольшом частном доме с резными окнами, выглядевшим какой-то исторической ценностью на фоне многоэтажных коробок: маленький дворик, окружённый забором, несколько яблонь и кустов, небольшая беседка со встроенными деревянными скамейками и столом.

В доме светло и, как ни странно, просторно. Поразила удивительная скромность и чистота, отсутствие каких-либо лишних вещей. Всё только самое необходимое, никаких украшений, сувениров и декоративных штучек, зато много книг и живых цветов.

Эрик представил меня своей маме. Надежда Михайловна, невысокого роста, рядом с сыном показалась даже маленькой, хрупкого телосложения, с красивыми голубыми глазами, так похожими на глаза, которые я полюбила.

Она, и в правду, очень обрадовалась и сразу же начала накрывать на стол. Когда Эрик вышел на кухню приготовить чай, Надежда Михайловна взяла меня за руку и с нескрываемой материнской заботой сказала:

– Деточка, я так счастлива, приходи к нам почаще! Очень боюсь за Эрика. После смерти отца он совсем закрылся в себе. У него нет здесь друзей. Он всё время проводит в одиночестве, с книгами в руках... Пожалуйста, не бросай его! Ты первая, кого мой сын привёл в этот дом.

Мы переехали ради того, чтобы забыть о горе, но и здесь ничего не меняется... – она горестно вздохнула, по-матерински погладив мою руку.

А ведь она права, так оно и есть: Эрик всегда одинок, разве что теперь у него появилась я...

– Обещаю Вам, я сделаю всё, что в моих силах!

Вернулся Эрик с горячим чайником в руках. Он с нежностью посмотрел на мать, словно всё слышал, и показался мне таким беззащитным, чувствительным, что сердце защемило в груди. Да, больше всего на свете мне хотелось быть с ним рядом, стать частью этой семьи, частью его жизни...

Пили чай с домашним печеньем, черничным вареньем и грецкими орехами. Надежда

Михайловна рассказала, что чудесные иконы в их доме, все написаны дедушкой Эрика по отцовской линии в послевоенные годы. Владислав родился и вырос в Польше, во время войны полюбил русскую медсестру. Они поженились, не смотря на все сложности и запреты. Он приехал за ней в Советский Союз и вскоре был арестован по подозрению в шпионаже, выслан в Сибирь, откуда больше никогда не вернулся. Иконы – это всё, что осталось на память, а так же католическое вероисповедание, которое передавалось в их семье из поколения в поколение.

После чая мы с Эриком ушли в его спальню, там тоже было много книг, сложенных стопками на столе, тумбочке, шкафу и даже на полу.

– Прости, у меня не прибрано...

Я усмехнулась, на мой взгляд – всё идеально. Ещё одна потрясающая икона висела над его кроватью. Подошла к ней, чтобы получше разглядеть. Иисус, идущий босыми ногами по каменным плитам, из груди льётся яркий свет, разделяющийся на два луча: розовый и белый. Левая рука указывает на сердце, а правая поднята для благословения. На ладонях и ступнях сияют кровавые раны. В печальном взгляде – любовь и страдание. Я, как зачарованная, не могла оторвать взгляда от этого изображения.

Эрик стоял рядом, видимо наблюдая за тем, что происходит в моей душе.

– Ты расскажешь о Нём?

Мой вопрос вызвал у него неподдельную радость. Он пообещал, что расскажет всё, что знает, а знал он очень много. Некоторые фразы из Библии Эрик цитировал наизусть.

Открывая для меня свой сокровенный мир, он вкладывал всю душу, ничего не прося и не ожидая взамен. Ему не нужна была моя любовь, мои пылкие чувства к нему и наивное обожание. Он хотел, чтобы я полюбила того, кто жил в его сердце. Хотел разбудить веру, чтобы я познала Бога. Его слова оставили в моей душе глубокий след и не раз помогали в тяжёлые минуты.

Но любовь ослепляла, все желания и мечты были сконцентрированы только на нём. Я слушала Эрика, но часто не слышала. Смотрела на него, пытаясь запечатлеть в памяти каждый жест и взгляд, движение губ, черты лица, каждую родинку, голос, руки... так, словно вижу его в последний раз.

Глава 6

Вскоре я узнала, что Эрик подрабатывает по ночам в музее Народно-прикладного искусства возле графского замка сторожем и по совместительству кочегаром. После смерти отца им с мамой жить стало нелегко, одной зарплаты не хватало, поэтому Эрик решил трудоустроиться, но уходить на вечернее обучение ему не хотелось. Работа по ночам стала единственным выходом в сложившейся ситуации. Поначалу он очень уставал, и на уроках, нет-нет, да и проваливался в дрему. Мне было жаль его, и, в тоже время, я испытывала к нему ещё большее уважение.

Мы продолжали дружить. Наше общение заключалось в доверительных беседах по телефону, в школе, после уроков, иногда вместе делали домашние задания, прогуливались по вечерам. Он часто брал меня за руку и с теплотой смотрел в мои глаза, в эти минуты я ощущала себя самой счастливой на свете. Чувства становились всё сильнее, хотелось ещё глубже войти в его жизнь. Первые мечты о поцелуе, первые робкие прикосновения...

Как-то в мае он пригласил меня придти к нему на работу. Закончив школьные задания и наспех поужинав, я выбежала из дома. Помню, было ещё светло. Уже по-летнему тёплый вечер доставлял истинное наслаждение пением птиц, цветущими деревьями и кустами, солнечными россыпями одуванчиков на изумрудной благоухающей траве.

Я шла быстро, и сердце замирало от одной лишь мысли, что я иду к нему – к самому любимому и дорогому на свете человеку. Скоро увижу его, услышу голос...

«Бог пришёл ко мне в твоём образе, Я узнала сразу в тебе Его:

Глаза, словно птица над пропастью, И свет, и добро, и тепло.

Кажется, я начинаю писать стихи! – пронеслось в голове. – Эрик бы никогда не позволил мне сравнивать его с Господом. Но Бог для меня – любовь, а любовь – это ты!» Пройдя незаметно для себя весь путь от дома до музея, остановилась отдышаться. В парке дурманяще пахло хвойным духом отогревшейся на солнце туи.

Сколько раз я проходила мимо всего этого и никогда не думала, что этот парк станет для меня так прекрасен и мил, каким стало всё вокруг только лишь потому, что напоминало о нём.

Сам музей уже был закрыт. Из высокой трубы над крышей возносился к небу сизый дымок. Отыскала дверь, ведущую в подвальное помещение кочегарки. Постучала. Эрик был в старом свитере, весь перепачканный углём:

– Ой, привет, заходи! Прости, что так встречаю, сейчас умоюсь. Садись.

– Вы ещё топите? На улице же тепло?! – спросила я, оглядевшись вокруг.

– По ночам ещё прохладно, нужно поддерживать постоянную температуру. Старинные экспонаты плохо переносят перепады тепла и влажности. Чтобы предотвратить появление сырости, приходится подтапливать. Здание старое, толщина стен – полметра, тут и летом холодно... – доносился до меня его голос под журчание воды.

– Ну вот, я готов!

Его сияющее мокрое лицо заставило меня улыбнуться.

– Осматриваешься? Видишь, какие у меня здесь владения?!

– О, да! Не всем так везёт.

– Я тоже так думаю! – он вытерся полотенцем и взъерошил влажные волосы на голове, потом причёсаясь.

Возле топки огромная куча угля. Напротив, в нескольких метрах от неё, небольшая тахта для ночлега. Рядом стол, заваленный учебниками Эрика, книгами и тетрадями, чайник, несколько кружек, бутерброды, завернутые в газету. Под потолком тусклая лампа и ещё одна – на столе. Окон в этом полуподвальном помещении нет, здесь царит полумрак днём и ночью. Душно, пахнет углём и пылью... «Что же вызвало во мне такой восторг? От чего так бешено

стучит сердце, словно я проникла в святая святых?» Я пребывала в каком-то феерическом состоянии лёгкого душевного помешательства, меня восхищало всё, к чему когда-либо прикасались его руки. Даже лопата для угля казалась бесценной, дороже всех экспонатов музея, хранящихся наверху. Кочегарка, словно святилище, в котором ОН проводит ночи... Мышцы на руках красиво напряглись, когда Эрик, открыв огненную пасть ненасытного дракона, подбросил новую порцию чёрного золота. Пахнуло жаром. «Я бы и ад, наверное, полюбила, если бы он был там...»

– Уроки сделала? – спросил Эрик серьёзно, прямо как моя мама.

– Конечно! – хвастливо ответила я. – А ты? Хочешь, помогу?!

– Смотри, получишь завтра двойку, пеняй на себя!

Мы оба рассмеялись, Эрик – круглый отличник, несмотря на работу по ночам, и я – лоботряска с одной любовью в голове, ничего не скажешь, парочка, что надо! Захлопнув топку, он сел рядом со мной, вновь вытирая руки.

– Может, попьем чаю?

– Разве что за компанию с тобой, я уже поужинала дома.

– Он включил чайник и развернул бутерброды, вкусно запахло колбасой. В углу каморки висела гитара, заметив её, я спросила:

– Эрик, ты играешь?

– Немного. – брови на его лице сдвинулись, и взгляд стал хмурым. – Раньше часто играл, меня отец учил, он был хорошим музыкантом. Теперь, когда его не стало... я редко беру её в руки, притащил сюда, чтоб дома она маме глаза не мозолила.

– Хотелось бы послушать!

– Разве что для тебя! – Эрик улыбнулся. Сняв гитару с крючка, на котором она висела, одел через голову широкий ремень, нащупал пальцами струны, слегка подправил тональность звучания. Я обратила внимание, какие у него длинные музыкальные пальцы. Чёлка, свисая, почти прикрывала глаза, он был сосредоточен на настройке инструмента, а я ловила каждый момент, когда могла «безнаказанно» любоваться его чертами. Мы встретились взглядом. Сколько грусти я увидела в нём, необъятной глубокой тоски... Захотелось прижать его к сердцу и никуда не отпускать.

«Моя любовь может сделать тебя счастливым!» – всё труднее становилось сдерживать свои чувства. Не знаю, понимал ли Эрик это, и что происходило в его душе?

Когда пальцы забегали по струнам, я слышала мелодию, от которой на глазах появились слёзы. Она была печальной и настолько красивой, что в груди всё сжалось и запылало огнём. Я не выдержала и заплакала. Эрик вначале ничего не заметил, увлечённый музыкой, он играл, закрыв глаза. О чём он думал в эти минуты? Я всё отдала бы за то, чтобы хоть на мгновение прочитать его мысли! Было ли это переживание, как-то связанное со мною или с памятью об отце, или ещё с кем-то мне неизвестным?.. Когда он взглянул на меня, то сразу отбросил гитару.

– Что случилось? Я чем-то расстроил тебя? – он придвинулся ко мне.

Попытавшись отвернуться, я закрыла лицо руками. Так не хотелось в очередной раз выглядеть перед ним слабой, но было уже слишком поздно. Эрик настойчиво пытался заглянуть мои глаза, от этого становилось ещё больше.

– Что-то случилось? Рассказывай! А я-то и думаю, почему ты молчаливая такая?..

Наташенька, я хочу тебя видеть! – он оттянул мои ладони от лица. Его руки крепко держали меня, не давая вырваться и убежать. И вот такая, с мокрым от слёз лицом, я предстала перед ним во всей «красе». Терпеть не могу своей слабости! От слов утешения, его взволнованного голоса, мне стало ещё хуже, и слёз уже было не остановить.

– Да, что с тобой? Тебя кто-то обидел? Расскажи, пожалуйста!.. Как я раньше не заметил, что что-то происходит? Прости!

Ничего не отвечая, я только мотала головой. Рыдания душили мне горло. От избытка чувств такое порой случается. Он обнял меня и прижал к себе. Почувствовав его тепло, запах, нежное поглаживание рук, блаженство и нега охватили всё моё существо, и я тихо прошептала:

– Люблю тебя!

Эрик вздрогнул:

– Что?!

Бежать уже было поздно:

– Я... тебя... люблю.

Эрик отстранился и посмотрел на меня так, словно его ударили обухом по голове. Встал и, не говоря ни слова, вышел из кочегарки.

Трудно описать, что я испытала в эти минуты. Мне было стыдно, словно я совершила что-то ужасное. Его реакция была совершенно непонятна. Неужели он всё это время не догадывался о моих чувствах? И разве не отвечал взаимностью? Страх потерять его, потерять то, что появилось между нами. Страх остаться без него навсегда.

Лишь спустя несколько минут, я нашла в себе силы пошевелиться. Открыв дверь, увидела его сидящим на корточках, прислонившегося к стене, согнувшегося в три погибели. Обхватив руками колени, он опустил голову.

Нужно было уйти, но я не смогла, и, положив на его плечо руку, спросила:

– Эрик, тебе плохо?..

Он посмотрел на меня, никогда прежде не видела столько страдания в человеческих глазах.

– Прости, Эрик, ради Бога, прости! Что же я, дура, наделала! Если бы я знала, что ты так воспримешь мои слова, я бы никогда не сказала этого.

– Ты просишь прощения за любовь?! – он вскочил на ноги. – Нет! Это я должен вымалывать у тебя прощения! За то, что не могу, не имею права ответить на твои чувства. За то, что дал надежду... За то, что вовремя не остановил.

– Почему? Почему ты говоришь так? Я ничего не понимаю!

– Да потому, что я стану СВЯЩЕННИКОМ и дам клятву безбрачия.

Не буду писать о том, что произошло дальше в тот вечер. Сначала было слишком больно и тяжело. Но всё на этой брэнной Земле однажды притупляется и проходит. Мы пытались остаться друзьями, но это стало невозможно. Он боролся с собой. Я – со своей любовью. Последний год учёбы – сплошная мука для нас обоих, но и он прошёл. Закончилась школа. Все одноклассники разъехались кто-куда... Но это ещё не конец истории.

Глава 7

Прошло десять лет. За это время в моей жизни многое изменилось. Я закончила институт, благополучно вышла замуж, начала работать. Превратилась, можно сказать, из неуклюжего подростка в белого лебедя. В общем, всё как у людей.

Мой долгожданный первенец вот-вот должен был появиться на свет. С каждым днём всё труднее и труднее становилось носить свой огромный, тяжёлый живот. И я с нетерпением ждала судьбоносного часа, когда смогу взять на руки своего ребёнка. Муж мой проявлял максимум терпения и всячески помогал мне, дай Бог ему здоровья!

Роды начались ночью, внезапно, потому что, сколько бы ты их ни ждал, такая боль приходит всегда неожиданно. Убедившись в том, что схватки идут регулярно, мы отправились к конечной станции под названием «Привет, Малыш!».

На дворе стояла во всём своём праздничном убранстве золотая осень. Дорога до больницы казалась невыносимо долгой, и (хотя Виктор вёл машину очень аккуратно) я думала, что разорвусь пополам, даже не дотянув до родильного отделения. Сидеть было нельзя, потому что ехала полулёжа, придерживая свой крепкий, как арбуз, живот.

Когда, наконец, добрались до клиники, боль стала столь невыносимой, что я, стиснув зубы, еле «выкатилась» из машины в добрые и надёжные руки любящего мужа. Осталось ещё несколько сот шагов, и мне помогут! Боже, как долго в такие моменты тянется время...

Попрощалась с Виктором, отправив его подальше от своей Голгофы, сдерживаться больше не было сил. Говорят, мои крики слышала вся больница в ту ночь, и на утро люди спрашивали, кого же родила женщина с таким звонким голосом?!

Шесть часов адских страданий на грани невозможного. В палату изредка заходили акушерки, проверяя, готова ли я, и опять уходили, оставляя совсем одну. Никогда не думала, что это так мучительно и страшно, кажется, всё – это конец.

Когда сказали, что пора идти на стол, ноги уже совсем не слушались, а впереди предстояло то, что я и представить себе не могла...

Не вдаваясь в подробности, скажу только, что роды прошли нелегко, я потеряла много сил и крови, а потом рыдала от счастья, увидев этот маленький, живой комочек, освобождённый на свет. У нас родилась дочь. И (хотя все ждали мальчика) это было совершенно неважно, ведь произошло самое главное в жизни любой женщины – я стала матерью. Малышка закричала, и её куда-то унесли.

Ещё около часа меня штопали как разорванную тряпичную куклу, хоть и болезненно, но уже терпимо. Я не могла дождаться, когда увижу мою девочку и прижму её к своей груди. То впадая в забытие, то возвращаясь, думала только о ней, но меня обложили льдом и заставили ещё какое-то время лежать на столе под наблюдением.

Только утром перевели в палату. Каждый шаг – как подвиг. Опустошённое тело, как выжатый лимон. От слабости кружилась голова. Из-за швов нельзя даже присесть, приходилось либо лежать, либо стоять. Но всё забылось, когда принесли мою доченьку, ради неё я бы пережила всё это вновь. Голубые глазки смотрели на меня не по-детски серьёзно. От счастья вытирая слёзы, я прижала её к своей груди, которую она искала своими крохотными губками, но она не стала сосать. Я пыталась и так, и этак приложить её к источнику силы и жизни, но вконец измучившись, набрала кнопку вызова медсестры.

Врач констатировал у ребёнка отсутствие сосательного рефлекса. Мне пришлось сцеживать молоко в бутылочку, но все попытки накормить малышку не увенчались успехом. Так продолжалось несколько дней. Питание, введённое через катетер, её организм тут же отвергал. Врачи начали опасаться самого худшего, ребёнок быстро терял вес и мог попросту умереть

от истощения. Мне сказали, что на следующий день, если не произойдёт чудо, нас отправят в детский центр в столицу.

Я плакала день и ночь, моля Бога не забирать самое дорогое, что у меня появилось в жизни... Вот тогда я вспомнила про Эрика, про его рассказы о чудесах и исцелениях, о таинствах, которые совершают священники над больными. Позвонив Виктору, я попросила найти кого-нибудь, кто согласится приехать в больницу, чтобы помолиться за ребёнка. Надежды было мало. Страх сковал мою душу словно панцирь и сдавливал всё сильнее.

Дочку мне приносили теперь редко, в основном она лежала под капельницами, которые меняли одну за другой, и находилась под наблюдением врачей в специальной барокамере. С мужем мы тоже почти не виделись, я не хотела расстраивать его своими слезами, он и так сильно переживал, а при встрече я не могла сдержаться и каждый раз рыдала у него на груди, словно слёзы могут что-то исправить.

В палате в тот вечер я находилась одна. Помню, как подошла к зеркалу в уборной и увидела своё худое, измождённое, с чёрными кругами под глазами лицо, посмотрела на свой опустевший живот и подумала, как же нам хорошо было вместе, когда малышка шевелилась у меня внутри, получая всё, что нужно для жизни и роста. Как быстро пролетели эти месяцы, непростые, но такие счастливые, полные ожидания и надежд... теперь же всё труднее становилось верить во что-то хорошее.

В дверь постучали, зашёл Виктор и сказал, что привёз католического священника, единственного, кто согласился приехать. Хотя, мы оба были православными.

– Мне всё равно какого, только бы помог! – ответила я. Он позвал:

– Отец, проходите!

Я ожидала увидеть кого угодно, но только не его... в палату вошёл Эрик. Сердце моё остановилось, а потом бешено застучало в груди. Я не могла его не узнать, хоть он и изменился: стал совсем взрослым, ещё выше и крепче, чем прежде, настоящий мужчина, с лёгкой небритостью на щеках, уставший, и, как мне показалось, тоже до глубины души взволнованный неожиданной встречей. На нём была черная сутана с белым римским воротничком, коротко подстриженные волосы, сильно потемневшие за это время.

«Значит, всё получилось как ты хотел!» – подумала я в предобморочном состоянии, еле удерживаясь на ногах.

Муж представил нас друг другу. Я не могла вымолвить ни слова, просто кивнула в ответ.

– Вы бы не могли попросить принести ребёнка? – Эрик обратился к Виктору. Его бархатный голос как-то мистически зазвучал у меня в ушах будто в замедленном темпе.

– Да, конечно!

Виктор вышел. Мы остались наедине. Эрик подошёл ко мне, протянув руку для приветствия, когда наши пальцы соприкоснулись, я потеряла сознание.

Очнулась уже в постели. Он стоял на коленях возле меня, так близко, что я ощущала кожей его дыхание. В руках у него были четки и он еле слышно произносил какую-то молитву.

– Слава Богу, очнулась! – его тёплая ладонь пробежала по моему лбу и волосам с такой нежностью и заботой. – Всё будет хорошо, Наташенька, поверь мне! – он прикоснулся к моей щеке губами и замер на мгновение. – Я так долго ждал...

Услышав шаги, приближающиеся к двери палаты, он встал, и в этот момент зашёл Виктор с малышкой на руках.

– Что-то случилось? – спросил он с недоумением, увидев меня в постели.

– Вашей жене стало плохо, но уже всё позади.

– Может быть позвать врача?

– Не надо, мне уже лучше, не беспокойся, дорогой! – я поднялась и протянула руки к ребёнку.

– Вот она, наша радость и боль... – сказал Витя, передавая дочь. – Еле выпросил, не хотели давать, ослабла она, в барокамере держат. Я Вам уже говорил, какие у нас проблемы, – он поцеловал ребёнка, а меня погладил рукой по спине, – жена уже все глаза проплакала.

– Мне нужно ваше согласие на крещение ребёнка, только после этого я смогу её соборовать.

– Да, конечно, делайте всё, что нужно... Ты ведь не против, Натали? Я кивнула в ответ.

– Что такое соборование? Простите, отец, я не очень-то в этом разбираюсь.

– Это одно из таинств, помогающее больным обрести благодать на выздоровление, – терпеливо объяснил Эрик.

Я поднялась с кровати, ощущая, как кружится голова, а в ушах не прекращается шум, толком не осознавая, что происходит. Эрик начал приготовление. Я смотрела на его руки, на то, как он двигается, как говорит... и понимала, что любовь моя никуда не исчезла за эти долгие годы, что меня как и прежде влечёт и тянет к нему, даже ещё сильнее.

Муж забрал у меня дочь, замечая моё странное поведение и заторможенность.

– Какое имя у новорождённой? – спросил о Эрик, обращаясь к нам обоим.

– Эрика! – внезапно для себя самой ответила я. Витя удивлённо посмотрел на меня:

– Вообще-то мы ещё не решили, но, если ты так хочешь... Пусть будет Эрика, – в его голосе было непонимание, откуда взялось это имя, во время моей беременности мы обсуждали совсем другие имена.

Молодой священник опустил глаза. Я понимала, как ему непросто сейчас. Но это было единственное имя, которое мне захотелось произнести.

В крёстные пришлось позвать медсестру и моего врача, к счастью они согласились, все сочувствовали нашей беде и с пониманием отнеслись к желанию покрестить ребёнка немедленно. Когда обряд завершился, малышка закричала так сильно, как я ещё никогда не слышала.

– Это хорошо. К ней возвращается жизнь. Попросите, чтобы ребёнка, если это возможно, не забирали сегодня ночью. Ты ей будешь нужна! – последнее предложение он прошептал, наклонившись к моему уху, от чего по телу пробежала горячая волна. – Вы не против, если я завтра загляну проведать малышку?!

– Если нас не отправят с утра в столицу... Эрик улыбнулся:

– Не отправят. Всё будет хорошо!

Глава 8

Эрика кричала и не могла никак успокоиться, когда я попыталась, в очередной раз, приложить её к груди, она вдруг жадно начала сосать! Я плакала от боли и счастья, молоко бежало тонкими упругими струйками прямо в маленький ротик. Это было настоящим чудом! Всю ночь молилась, не переставая целовать её крохотный лобик, вспотевший от усердного труда. Медицинские сестры по очереди навещали нас и не могли поверить своим глазам. Вдоволь насытившись, дочка сладко зевнула и заснула на моих руках. Укачивая её, я тихонько напевала какую-то мелодию, возникшую в памяти, пока не поняла, что это та самая мелодия, которую когда-то сыграл мне на гитаре Эрик.

Не прошло и часа, малышка вновь начала искать грудь и всё повторилось. Так продолжалось целую ночь.

Утром пришёл врач удостовериться, правду ли говорят о нас. Весы показали, что за одну ночь девочка набрала около двухсот грамм веса.

– Мои поздравления! Это ли не доказательства, что Бог есть?! Надо было её раньше крестить!..

Благодарность переполняла меня. С трепетом и замиранием сердца я ожидала, что вот-вот откроется дверь, и я снова увижу Эрика.

Вспомнился вчерашний разговор с мужем после того, как священник ушёл:

– Станный он какой-то, денег совсем не взял, я предлагал ему хорошую сумму!.. Неужели церковь больше не нуждается в средствах?!

– Ты можешь в любое время сделать пожертвование, когда захочешь. Просто этот священник – мой бывший... – я чуть не поперхнулась, – одноклассник.

– Тогда понятно, но вы как-то странно себя вели, – продолжил он с нескрываемым интересом, – ни словом не обмолвились почти.

– Ты думаешь, мне было до этого?! – спросила я, укачивая дочь. Малышка как раз в этот момент громче всего кричала, спасая меня от лишних вопросов. – К тому же, он обещал нас навестить. Вот, тогда и поговорим.

Слава Богу, в ту минуту Виктор не спросил, как зовут моего одноклассника...

– Где ты его отыскал?

– В церкви, возле старого замка, там не было местного настоятеля, он куда-то отлучился, а этот, вроде бы здесь проездом, но согласился помочь.

– Мы должны быть благодарны ему... – тихо ответила я.

– И не говори! Он так долго молился, что я думал, свалюсь с ног.

– Ты устал, Витя, поезжай домой, я справлюсь сама, если будут новости, сразу тебе позвоню!

– Хорошо, любимая, дай Бог тебе сил! Надеюсь на лучшее! Буду ждать твоего звонка, – он поцеловал нас и ушёл.

Как ни странно, мне сразу же стало легче, даже дочка как-то попритихла, а после начала есть.

«Эрик вернётся, я его обязательно увижу, ещё хоть раз, может быть единственный и последний в этой жизни... Он всегда держал своё слово, значит – придёт! Нужно так многое ему сказать! Чувство такое – что вернулись те годы. Глупое, глупое сердце! Я замужем, у меня родилась дочь, он дал обет безбрачия. Что может быть между нами общего? Но почему, Боже, почему мне так сладостно вновь думать о нём?!»

С Виктором мы познакомились сразу после окончания института, когда я вернулась домой с дипломом и начала искать себе работу. Обращаясь в разные издания, я зашла в редакцию местной газеты, и в приёмной ждала вызова. Он сидел рядом в шикарном серо-голу-

бом костюме и нетерпеливо поглядывал на свои золотые часы. Среднего роста, крепкого телосложения, густые каштановые волосы хорошо уложены, серые стального цвета глаза, тщательно выбрит, белоснежная рубашка, тёмный галстук. Сразу понятно – человек деловой, явно не работу искать пришёл.

Он тоже меня разглядывал, и, в конце-концов, спросил:

– Вы к директору?

– Нет, в отдел кадров, пришла узнать, есть ли ещё вакансии...

– Переживаете?

– Не то, чтобы очень, но хотелось бы уже определиться с работой. Он протянул мне визитку:

– Звоните, мы обязательно что-нибудь придумаем! – он широко улыбнулся и даже подмигнул мне.

Секретарша назвала его по имени отчеству и чуть ли не раскланялась, приглашая зайти в кабинет. Виктор, оглянувшись ещё раз, повторил:

– Обязательно, позвоните!

На карточке было указано, что господин Троицкий является генеральным директором женского журнала, не буду уточнять какого, достаточно известного у нас в стране. Похоже, судьба была ко мне благосклонна.

В тот день мне отказали, сославшись на отсутствие опыта работы. Потратив ещё несколько дней на безуспешные поиски, я рискнула-таки позвонить Виктору Анатольевичу. Он, как ни странно, сразу узнал меня, назвав прелестной незнакомкой, и пригласил зайти в офис для заключения договора. Вот так, ничего не уточняя, и даже не поинтересовавшись моим образованием и профессиональными качествами. Как он потом ни раз говорил: «Это была любовь с первого взгляда, и, мне нужна была не журналистка, а жена». Я была принята в тот же день и начала работать. Даже неплохо, вроде бы всё получалось, во всяком случае, от Виктора я получала только похвалы. Коллеги меня, конечно, сразу же невзлюбили именно из-за этого особенного отношения начальника. Он долго и красиво за мной ухаживал, осыпая ежедневно цветами и подарками, дорогие рестораны, поездка на Багамы, а потом – свадьба. Всё как-то шло само собой, по накатанной. Виктор – хороший человек, и я испытывала к нему искреннюю симпатию, привязанность и благодарность, позволяя себя любить.

И только сейчас, когда появился Эрик, словно очнулась от долгого сна, ощутив всем сердцем, что такое любить. Все эти годы я старалась не думать о нём, что было, то прошло, нужно жить дальше. Но и чувств подобных больше ни к кому не допускала, плывя по течению судьбы без особых усилий и стараний.

И, вот теперь, он – совсем рядом. Так близко, что я смогу дотронуться до него рукой... Как пережить это? Как вновь не упасть в бездну тех чувств, что так долго томили и мучили меня?

«Ты – мой огонь, пылающий в груди,

Нет больше места в обожжённом сердце,

И я не знаю, что там впереди...

Горит огонь, но мне с ним не согреться».

В дверь постучали.

– Да, можете зайти!

На пороге палаты появился Эрик. На этот раз в обычной мирской одежде.

– Привет! – его лицо сияло. – Я узнал у врача, малышка пошла на поправку!

– Да, слава Богу, ты сотворил это чудо! – я подошла к нему ближе.

– Что бы я мог без Него?! – он поднял благодарный взгляд, указывая наверх. – Как ты?

– Совсем не спала эту ночь, но, всё же надеюсь сегодня не падать в обморок.

Мы улыбнулись друг другу. Он подошёл ко мне и приобнял за плечи. Словно ток пробежал по венам, я поняла, почему вчера не выдержали нервы.

– Сколько лет прошло, – тихо сказал Эрик таким голосом, будто ком застрял у него в горле. – Ты стала ещё красивее!

– Угу, особенно сейчас... – я попыталась пошутить, но он ответил совершенно серьёзно:

– Да. Сейчас, особенно. Ты стала мамой! – грусть звучала в его голосе, а может быть мне просто показалось. Эрик подошёл к детской кроватке, где спала моя малютка, блаженно улыбаясь во сне. – Она так похожа на тебя!.. – в этих словах было так много чувств.

– Ты так думаешь?

– Очень похожа, – задумчиво прошептал он в ответ и перекрестил девочку.

Мы стояли напротив друг друга, глаза в глаза. Как же он изменился! Стал совсем взрослым, таким статным, мужественным, сильным и... непростительно красивым для священника! В глазах ощущалась мудрость, внимательность, доброта, и всё та же глубокая неисчерпаемая печаль, как в наши школьные годы.

– Ты счастлива?

«Теперь, когда ты рядом, да!» – пронеслось у меня в голове, но я ответила иначе:

– Мы бесконечно благодарны тебе, Эрик! Он вздохнул, вглядываясь в мои глаза:

– Это – мой священный долг, служба... То, ради чего я причинил тебе боль. У меня задрожали не только руки, но и ноги.

– Прости меня, если сможешь!

Из последних сил я пыталась сдержать подступившие слёзы. Он взял мою ладонь, прижал к своему лицу, поцеловал, закрыв глаза и тяжело вздохнув, прошептал:

– Я мечтал об этом... так долго!

Глава 9

«Сколько нежности в его взгляде! Как это понимать? Ноги подгибаются, нет сил стоять, и сесть не могу...»

– Думал, что уже никогда тебя не увижу. И, надо же, ты была здесь, совсем рядом! – Эрик отпустил мою руку.

– А где ты был всё это время?

– Учился в Польше, закончил семинарию в Варшаве, служу в небольшом городке, примерно час езды от столицы.

– Как тебя туда занесло, Боже мой?!

– Думал, если уеду подальше, будет легче... – Эрик замолчал.

– Как же ты решился на такое? Оставил маму совсем одну?

– Да. И потерял. Мамы не стало полгода назад.

– Прости, не знала. В голове не укладывается, что Надежды Михайловны больше нет. Соболезную, Эрик.

Он кивнул, отведя взгляд.

– Она так и не смогла меня понять... Хотела внуков. Напоминала о тебе, – глаза стали влажными, но он быстро справился с собой. – Я виноват перед ней.

– Мне очень жаль, твоя мама была прекрасным человеком! Неужели Надежда Михайловна вспоминала обо мне, я и была-то у вас всего пару раз, – я не могла найти нужных слов.

– Она любила тебя. Да и... – он сделал паузу, – ты – единственная...

Я не верила своим ушам, хотя, чему удивляться, это вполне на него похоже.

– Когда-то я пообещала твоей маме, что поддержу тебя, и не сдержала своего слова.

– Ты не могла его сдержать, – горестно ответил Эрик, – так что не вини себя.

– Ты знаешь?

– Я слышал ваш разговор.

Мы встретились глазами, наше далёкое почти детство оживало в памяти, всё больше берёдя старые раны.

– Когда же ты решил, что станешь священником? – спросила я.

– После того, как не стало отца. Он умер внезапно и при странном стечении обстоятельств. Думал, что своими молитвами смогу помочь его душе и себе самому. Никогда тебе не говорил об этом, но я сам нуждался в помощи. Дело в том, что я не совсем обычный человек...

– Это для меня не секрет! – я улыбнулась.

– Да, но ты не знаешь, почему, – вид у него был подавленный.

– Расскажешь? – я посмотрела на него с мольбой.

– Возможно... – Эрик отвёл взгляд, судя по всему, решая, стоит ли ему откровенничать. – Дело в том, что я вижу не только материальный мир. Бывают видения, голоса... при всём желании, я не смог бы жить как все.

– Почему ты ничего не рассказал мне тогда?

– Нужно было разобраться, что происходит. Когда случается такое, сам думаешь, а не сошёл я с ума? Как я мог объяснить?

Я вспомнила, как он уверенно сказал вчера: «К ней возвращается жизнь! Попроси, чтобы ребёнка не забирали на ночь. Ты ей будешь очень нужна». – это было похоже на пророчество. Так всё и случилось. Откуда он мог знать, что Эрика начнёт есть и сосательный рефлекс к ней вернётся?!

– Что же ты видишь?

– Это трудно описать словами, просто знаю, что будет и как. Иногда вижу, а иногда просто чувствую... – ему было трудно подобрать слова. – Я долго пытался найти ответы на свои вопросы, изучал теологию, философию, мировые религии, прочёл огромное количество книг. Мои учителя и наставники меня проверяли, не одержим ли я. За эти годы где только не побывал, даже у монахов-экзорцистов. Какое-то время жил у них в монастыре под строжайшим контролем. В конце концов все решили, что это Божий дар, и мне от него не избавиться. Это – мой крест, мне его нести. По крайней мере, теперь я научился этим управлять.

– Ты видишь духов?

– И не только. Я рассказываю тебе об этом, чтобы ты могла понять и простить. У меня не было другого пути. Я не смог бы жить простой, нормальной, человеческой жизнью. Это сложно объяснить... – он глубоко вздохнул, его лицо отражало как зеркало бурю эмоций, происходившую внутри души. – Хочу, чтобы знала, ты – единственная для меня. Так было всегда, с первых дней нашего знакомства. И если бы я мог выбирать, остался бы с тобой, но я не принадлежу себе.

Меня поразило услышанное, я и представить себе не могла, что тоже любима. Если бы я знала, всё могло быть иначе...

Эрик поддался порыву и крепко обнял меня. Я ответила взаимностью, прижалась к нему так сильно, насколько вообще это возможно. Услышала его сердце и замерла. В такие мгновения мир перестаёт существовать, время исчезает. Нас было двое – но в едином порыве – одно. Всё, что я могла понять, – это то, что жизнь без Эрика не существует. Мы нужны друг другу как воздух.

Хотелось остановить это мгновение, чтобы оно длилось вечно. Мы не могли оторваться друг от друга. Не могли надышаться. Его губы прикасались к моему лицу, крепкие руки источали такое тепло, что хотелось забыться в них навечно, отдать всю себя, а после – хоть смерть...

Внезапно, нежно, но настойчиво, он отодвинул меня в сторону. Буквально через несколько секунд дверь открылась, и в палату вошёл Виктор.

– Встреча одноклассников? Приветствую Вас, отец!

– Добрый день, Виктор!

Они обменялись рукопожатием. А я думала, что провалюсь сквозь землю, с трудом восстанавливая дыхание и пытаясь приобрести свой обычный вид.

– Всей душой благодарен Вам, случилось чудо, наша девочка начала есть!..

Часть 2

От Эрика 1

Уезжаю из любимого города. За окном ускользающей лентой проносятся дома, люди, знакомые улочки, скверы. Снова обрываю все концы, связующие меня с прошлым. Дом после смерти мамы я решил продать, чтобы некуда было возвращаться, очередная попытка сбежать от своих чувств.

«У неё хороший муж, семья... Я просто обязан справиться со своей любовью. Всё. Нужно думать о другом, переключиться!» – убеждаю сам себя, зная, что миссия не терпит отлагательств.

Память, наперекор всем стараниям, вновь и вновь прокручивает моменты нашей последней встречи: стук сердец, объединившихся на мгновение, любимые измученные глаза, жар прощальных объятий, аромат её волос... Наконец-то, нашёл в себе силы всё рассказать, теперь она, по крайней мере, будет знать, что не напрасно и не в одиночестве страдала. Слава Богу, что удалось уберечь её от гораздо более сильных переживаний – жизнь их дочери теперь вне опасности. Девочке дали моё имя... О, Господи, какой неожиданный, подарок!..

Нужно спешить. Чувствую, как уходят драгоценные минуты, я должен успеть! Запрещаю себе думать о ней. «Сердце, уймись! Хватит болеть, что сделано, то сделано!» – переключаюсь на разум, ухожу туда, где находится сила. Мозг наполняется видением...

Сильно превышаю допустимую скорость, но мне помогают, ведут, расчищая путь. Знаю, что ничего не случится, потому что всё усиливается голос жаждущей отпущения души. Я нужен там. Меня ждут.

По сравнению с этим, мои личные страдания – ничтожны. Мамы больше нет. Любимая замужем. Нужно с этим свыкнуться и жить. «Господи, помоги! Знаешь, как я слаб. Только ТЫ наполняешь души священным огнём! Помоги преодолеть человеческую слабость...»

Глаза начинают слипаться, шутка ли, уже девять часов в пути. Волна предсонной неги накатывает смертельным ядом, тяжелеют веки. Появляется знакомый силуэт, предупреждает. Жму на тормоза. Со свистом в ушах останавливаюсь на обочине. Выброс адреналина в кровь приводит в чувство.

«Да, Ты прав, совершенно прав! Сдаюсь. Нужно вздремнуть». – не успеваю закрыть глаза, уже снится сон, тепло маминых рук так близко, так хорошо. В нашем доме есть кто-то ещё... Конечно, это – ОНА. При мысли о ней становится больно даже во сне. Тысячу раз обещал себе не вспоминать это имя. Но там контроль ослабевает: «Наташа... Наташенька... Натка моя!» – мне хорошо, что ты есть! Топот детских ножек, залиvistый смех, радость наполняет душу. Мама зовёт обедать. Прибегают дети, Наташа подаёт горячее блюдо, все садятся за стол. Только меня никто не замечает, я стою прозрачной тенью, зову, кричу, но они не слышат, пытаюсь дотронуться, рука проходит сквозь материю беспрепятственно. И до меня вдруг доходит, что я – бестелесный дух.

Очнулся. Голос усилился, значит, времени мало. Завожу мотор. Осталось ещё каких-то сто, семьдесят, двадцать километров...

Вот, этот дом. Звук в моей голове разрывает мозг. Забегаю в подъезд, коридор, первый этаж, второй, третий, кажется, здесь!

Звоню. Дверь открыла заплаканная молодая женщина.

– Где умирающая? Я – священник.

– Здравствуйте, отец, она там – слева по коридору, – на глазах у женщины лёгкое недомогание, она пытается понять, кто меня вызвал. Я на ходу одеваю сутану, уже не до церемоний.

Войдя в тускло освещённую комнату, увидел бледное лицо измождённой болезнью, умирающей женщины.

– Как её зовут? – я обернулся к застывшей в дверях дочери.

– Елизавета... – отвечает она, всё ещё удивлённая моим неожиданным появлением.

Достаю из сумки святую воду, миро, крест, освящённый в Иерусалиме, зажигаю свечу, провожу обряд Соборования. Больная стонет, не приходя в сознание, предсмертное дыхание, уже ничто не вернёт её назад. Душа зажата в тиски плотным кольцом страха, отчаянно сопротивляется, цепляясь за жизнь. Но выход – только один. Закрываю глаза:

– Ты слышишь меня? Я здесь! Я пришёл. Елизавета, ответь мне!

– Ты тот, кого я звала?

– Я помогу тебе! Видишь, тени стоят у врат? Это твои близкие ждут тебя...

– Вижу!..

– Там, куда ты идёшь, нет места страху! Отринь свой страх. Там – новая жизнь. Свет и любовь. Никто не причинит тебе зла. Только поверь! Расслабься, соберись с силами. Нужен толчок. Иначе – путь долг и труден. Ты заслужила освобождение.

Не мучай себя. Уже ничего не вернуть назад. Помни: ты возвращаешься домой, где тебя любят и ждут... – губы мои читают молитвы, а разум говорит с душой умирающей, открывая ей путь.

Она начала успокаиваться, вглядываясь в появляющийся проход, чёрная пелена отчаяния сползла с её души, обнажая для света духовную сущность.

– Всё будет хорошо. Верь мне, тебя встретят. Отбрось земное! Не оглядывайся назад. «говорю» уверенно, отдавая ей силы. Она принимает мой дар, наполняясь энергией и желанием освобождения.

– Пора! – я беру её за руку. Голова откинулась назад и через широко открытый рот вылетел последний хрип. Душа покинула тело. Повисла над ним. – Вперёд, только вперёд! К свету! В Вечность...

Она медленно поворачивается к туннелю, всё сильнее притяжение, последний рывок...

Я заканчивал читать последние молитвы под крики её дочери. Женщина рыдала, опустившись перед телом матери на колени. Помог встать, приобнял, соболезнуя, отдал остаток сил, всё, что только смог. Она перестала дрожать, немного успокоившись.

– Самое страшное – позади. Ваша мама ушла и больше не будет страдать. Ей там хорошо, поверьте мне. Не держите её, не мучайте. Душе нужны наши молитвы и вера, но не слёзы...

ими ничего не исправишь. Позовите другого священника на отпевание. Я сделал всё, что мог.

– Почему не Вас?

– Я не местный...

Такова моя миссия, призвание, крест. То, ради чего я родился и живу на этой Земле.

От Эрика 2

Уже стемнело, когда я приехал. Открыв с трудом скрипящую старую дверь подъезда, я поднялся в своё холодное жилище, устало опустился на стул возле входной двери. Сил ни на что уже нет, даже разуться. Молча уставился в темноту.

Скромное убранство этой двухкомнатной квартиры вполне соответствует моему образу жизни – ничего лишнего. В окна виден костёл, часы на нём только что пробили десять. Дождь стучит по стеклу, ветер срывает с клёнов во дворе последние листья, словно почтальон, разнося по улицам города письма ушедшего лета.

Наконец-то, голова свободна для собственных мыслей, временное затишье. Достав из холодильника бутылку кефира и кусок зачерствевшего за время моего отсутствия хлеба, я утолил голод. После душа лёг на кровать, закрыл глаза. Снова память рисует недавнюю встречу...

Обычно усилием воли я не позволяю себе погружаться в чувства, но не в этот раз. Нет ни желания, ни сил больше бороться с собой.

Итак, у Наташи всё хорошо. Она изменилась, стала ещё женственнее и краше. Вышла замуж, родила дочь. Виктор в ней души не чает, судя по-всему, приятный хороший человек. Что же сжимает в тиски моё бедное сердце, что не даёт покоя?!

«Я сам избрал этот путь. Но был ли у меня хоть малейший выбор? Как мог я в одиночку разобраться с тем, что происходит? Это бы свело кого угодно с ума и закончилось психиатрической лечебницей. Что я мог ей дать? Какую жизнь устроить? Сейчас она обеспечена и любима...»

Пустота и тишина. Казалось бы, давно пора привыкнуть, но человеческое слабое сердце нестерпимо жаждет теплоты, ищет любовь, томится ожиданием. Кому нужна была эта жертва? Моя самая большая ошибка в том, что сближением я обрёл и Наташу на страдания. Языки любовного пламени всё ещё терзают наши души. Столько лет прошло, а легче, увы, так и не стало. Боже, сколько раз я молил Тебя забрать эти чувства, освободить нас обоих?! Почему же дороже этой несчастной любви у меня ничего не осталось на свете? Я цепляюсь за неё как за спасательный круг утопающий!..

Снова приснился старый графский парк. Мы идём по тропинке вдоль туевой аллеи. На Наташе лёгкое, шёлковое платье ярко-синего цвета. Маленькая изящная ручка её лежит в моей ладони, она такая тёплая, нежная, ласковая. Нам снова по шестнадцать, будто и не было этих лет разлуки. Испытываю тихое блаженство от того, что она рядом. Мы беззаботно о чём-то болтаем и смеёмся. Солнце светит не только на небе, но и внутри нас. Щебечут птицы, распускаются цветы, мы влюблены, и мир бесконечно прекрасен. Но, откуда ни возмись, появляются грозные тучи, ветер становится сильным и безжалостным, раскаты грома такие, что земля дрожит под ногами, начинается ливень. Я пытаюсь укрыть любимую, но не знаю, как это сделать. Всё смешалось, земля и небо превратились в какой-то ужасающий смертельный хаос. Некуда бежать, негде укрыться. Наташа начинает растворяться и исчезает у меня на глазах, проскальзывая сквозь пальцы... «Не-е-ет!»

Очнулся в холодном поту от крика. Уже наступил рассвет. Новый день – новая попытка. Жизнь продолжается.

От Эрика 3

День пасмурный, накрапывает мелкий дождь. Промозглый северный ветер усиливает непогоду. До церкви рукой подать, и то успеваю замёрзнуть. По обыкновению я прихожу на час раньше, чтобы дать возможность исповедоваться всем желающим перед службой. Несколько пожилых прихожанок уже стоят у входа в храм. Для них – это дом родной и возможность общения.

– Отец Эрик, слава Богу, Вы приехали! Мы уже соскучились по Вам. Ксёндз наш совсем старый стал, слышит плохо, нам без Вас никак нельзя! – говорили они наперебой.

– Спасибо, я тоже рад вас видеть!

– Поездка удалась?

– Да, благодарю, – коротко ответил я, открывая ворота.

С этими бабушками всегда надо держать ухо востро, того и гляди, сплетни разнесут по чём зря. У меня иногда складывалось такое впечатление, что они только ради этого и приходят.

Отсутствие семьи, разъехавшиеся дети, позабывшие про них внуки и правнуки, недостаток общения... – всё это компенсируется здесь, и священник всегда является заметной фигурой, достойной пристального внимания, особенно молодой. Всё, на что хватает фантазии скукающих бабушек: от романов, до запоев приписывается клирикам, всем без исключения, смакуется и обсуждается в подробностях. Стоит войти в костёл молодой красивой женщине, тут же зоркие глазки начинают следить, а уж если, не приведи Господь, на исповеди задержалась! Пиши пропало. Будь ты хоть трижды аскетом, людям всегда захочется найти изъян или какую-нибудь слабость, тогда жить им становится спокойнее и веселее. Все мы не без греха, как говорится.

Несколько молодых священников стараниями сердобольных прихожанок уже были отправлены куда подальше из этого города. Мне же удалось почти невозможное – удерживаться на месте второй год подряд.

Ксёндз, мой наставник, уже слаб от старости и нуждается в преемнике. Отец Язеп – добрейшей души человек, мудрый и милосердный. Мы относимся друг к другу с большим уважением и, даже, любовью. И когда речь заходит о необходимости куда-то поехать, он доверяет мне и, соглашаясь без лишних вопросов, отпускает. Каждый раз повторяет неизменную фразу: «Только ты возвращайся, сынок, до того, как я умру!» Каждый раз обещаю ему это. Думаю, он о чём-то догадывается. За долгую жизнь в служении Господу, отец Язеп научился видеть и понимать людей.

Костёл постепенно наполняется людьми. Хоть городок у нас и не большой, но достаточно активный в вере. Пришёл наставник, радостно меня поприветствовал. Что и говорить, моё присутствие освобождает его от многих обязанностей и облегчает, ставший уже тяжёлым для его лет и здоровья, пасторский труд.

Таинство исповеди всегда забирает много душевных сил. Это только внешне кажется, сидит себе священник в исповедальне и слушает, преклонив ухо... На самом деле, он не просто посредник между Богом и человеком, а, скорее, проводник. Мы пропускаем через себя людские грехи, боль и страдания, сомнения и страхи. Через нас проходит огромная сила очищения и искупления Кровью Христа. И не важно, обладает ли священнослужитель какими-то особыми способностями воспринимать происходящее, его душа задействована всегда. Часто вспоминаю слова, сказанные святой Фаустине Господом: «Не смотри на сосуд, из которого я даю тебе пить, ибо не главное каков он, а что ты пьёшь из него!»

Однажды пришла женщина, вознамериваясь искусить меня, и начала в подробностях описывать «всю прелесть» грехопадения. Я не смог этого долго терпеть и, прервав её, возложил

на неё руки и прочёл молитву освобождения от нечистой силы. Она, как ужаленная, выскочила из исповедальни, упала на пол и начала биться в конвульсиях, извергая из себя всю скопившуюся нечисть в буквальном смысле этого слова. Свидетели произошедшего быстро разнесли обо мне славу на всю округу... С тех пор сомневающиеся в чистоте своих намерений стали обходить меня стороной, а некоторые слегка побаиваться.

Конечно, я не знал, что будет такой эффект от одной лишь молитвы, – это был порыв души, а, значит, и воля того, кто мною руководит.

Началось богослужение. Облачившись в белую рясу, с детьми-помощниками из прихода и наставником идём к центральному алтарю. Вдруг дорогу нам перегородила маленькая девочка лет семи. Благословив, я её хотел отвести в сторону, освобождая проход. Но она воспротивилась и, посмотрев на меня полными слёз глазами, громко сказала:

– Помоги мне, дяденька священник! Спрашиваю:

– Что случилось, детка?

– Мне нужно, чтобы Вы пошли со мной! – почти прокричала она. – Мне очень нужно!

– Куда, малыш, ты хочешь меня отвести?

– Здесь, недалеко! Вы увидите... – жалобным голосом протянула она.

– Я не могу остановить службу, тебе придётся подождать! – я пытался её успокоить.

В храме образовалась гробовая тишина, полсотни глаз устремились к нам. Ксёндз подошёл ко мне и тихо сказал:

– Иди, сынок, вдруг и вправду что-то серьёзное, я начну сам, выясни, что там такое...

Девочка взяла меня за руку и потянула за собой:

– Моя бабушка сказала мне, что ты особенный, значит, только ты и можешь помочь! – она бежала всё быстрее, увлекая меня за собой.

Странно, я ничего не предчувствовал, не слышал голос, не был предупреждён... Что-то было не так, и я напрасно силился понять, в чём же тут дело. Мы прошли целый квартал, она свернула в сторону городского сквера:

– Иди, дядя, иди сюда!

Возле больших кустов в стороне от тротуара, девочка нагнулась над чем-то, лежащим в траве. Это оказалась большая собака, судя по всему, сбита недавно автомашиной. Я нагнулся над её ещё тёплым, но уже бездыханным телом.

– Она умерла.

– Дядя, бабушка мне рассказывала, что Иисус поднимал мёртвых! Ты должен ей помочь! – из глаз ребёнка полились слёзы.

Она смотрела на меня в ожидании чуда. Разве я мог разочаровать детское сердце, полное веры? Решил попробовать. Возложив руки на голову собаки и, собрав всю энергию, с молитвой «Отче наш», стал просить Бога о возвращении жизни. Сила начала уходить, потекла сквозь пальцы, как обычно, покалывая их, словно иголками. Значит, животное принимало её. И тут случилось нечто ещё более странное, я почувствовал энергию, исходящую от рук маленькой девочки. Объединившись, наши старания оправдали себя: собака дёрнула лапами и открыла глаза, заскулив, попыталась подняться, но на это ей не хватило сил.

– Она жива! – девочка взвизгнула от радости и захлопала в ладоши. – Видишь! Ты сделал это! У тебя получилось! Ты – настоящий священник!

– Мы сделали это вместе! – я улыбался, вместе с ней радуясь случившемуся. – Это твоя собака? Как её зовут?

– Теперь будет моя! Помоги мне её, ради Бога, отнести домой, она ведь такая тяжёлая... Я взял собаку на руки, прижал к своей груди, она не сопротивлялась, и последовал за маленькой. Её дом оказался совсем рядом, напротив через дорогу. Дверь открыла испуганная мать девочки.

– Мариша, куда же ты пропала?! Я весь дом обыскала, думала, ты играешь в прятки. И что тут делает господин священник?..

– Мамочка, эту собачку сбила машина, а я стояла у окна и всё видела. Она лежала совсем мёртвая, а дядя священник оживил её, совсем как Боженька! – пролепетала она.

Я стоял у дверей с огромным грязным псом на руках, не зная, что сказать. Мама девочки, словно опомнившись, пригласила пройти в дом.

– Мамочка, можно собачка у нас останется, я сама буду за ней ухаживать! Ну, пожалуйста! Мы же не бросим её в беде! – молила девочка.

– Хорошо, раз так, что мне с тобою делать! – растерялась женщина.

Положив собаку на ковёр в прихожей и, извинившись, я направился к выходу.

– Спасибо Вам, отец!

– Что Вы, в этом нет моей заслуги. А девочка у Вас особенная, у неё доброе сердце.

Добежав до церкви, еле успел на вторую часть мессы, как раз к вознесению святых Даров. С тех пор Мариша и её мама стали моими друзьями, собаку вывели, и она поправилась. А история об этом случае облетела весь город, обрастая всё новыми подробностями, что стало для меня очередным испытанием.

От Эрика 4

Я часто думал и анализировал случай, в котором проявились способности Маришки. Что ждёт эту девочку? Проявится ли её дар? В какой момент она поймёт и почувствует, что обладает силой, в какое русло её направит?

Очень хотелось бы помочь. Я помню, какого это, быть один на один с проявившимся внезапно даром, когда даже родной матери не можешь признаться в том, что происходит. И это сильнее тебя...

Но её время ещё не пришло, и где я буду, когда оно настанет, никто не скажет. Единственная возможность сделать что-то сейчас – успеть вложить в ребёнка с детских лет тягу к добру, к вере, к милосердию, и когда наступит момент истины, душа сможет принять единственно верное решение. Мы подолгу беседуем с Маришей о Боге. Не по годам умная и смышлённая девочка. Верю, что у неё всё будет хорошо.

После истории с собакой местные жители стали всё чаще обращаться ко мне со своими проблемами и болезнями. Но помочь можно, увы, не всегда и не всем. Чаще всего болезни и горести ниспосланы дабы мы могли что-то понять, переосмыслить. В таких случаях никто не сможет помочь, кроме нас самих. Единственное, – дать нужный совет, перенастроить, направить человека к Богу. Тогда возможно любое чудо, но это – не моя заслуга. В каждом из нас изначально есть всё необходимое для спасения. Но люди забыли, зачем и куда они идут, ради чего пришли на эту землю, где главный источник жизни, как к нему приблизиться...

А начинать, конечно, необходимо с собственных мыслей. Только так, а не иначе, можно найти выход из самых, казалось бы, трудных и тупиковых ситуаций, в том числе касающихся и физического здоровья.

Усталость накапливается с каждым днём всё сильнее. По вечерам еле доползаю до кровати и замертво засыпаю. С одной стороны, я счастлив, что мой дар востребован и служит людям, с другой, поток желающих только возрастает. И я начинаю понимать, что долго так не выдержу.

На днях наставник остановил меня после службы и сказал: «Сынок, на тебе лица нет, нужно что-то делать! Я думаю, тебе просто необходимо отдохнуть и на какое-то время уехать из этого города. Люди словно помешались, не дают тебе прохода. Я рад, что наша церковь ожила, но мне больно смотреть на тебя. По-отцовски прошу, съезди на Родину, встретиться с друзьями, с родными, с теми, кто подарит тебе покой. Сегодня же позвоню епископу и попрошу, пусть пришлёт кого-нибудь подменить тебя. А ты наберись сил!.. Пусть всё успокоится. Потом, глядишь, станет полегче». Как я мог не согласиться? Мечтаю увидеть Наташу ещё хоть бы раз, убедиться, что с ними всё хорошо.

Через несколько дней приехал священник подменить меня на время отсутствия, я засобирился в дорогу. Укладывая необходимые вещи в сумку почувствовал, как стянуло голову, прислонился к стене, чтобы не упасть. Это приходит всегда внезапно и через сильную боль, но потом становится светлее и легче, чем прежде. Знакомый яркий силуэт ожил перед глазами.

Это трудно назвать голосом, скорее очень сильным, мощным импульсом. Видение показывает фрагменты того, что должно случиться, какова моя роль, что нужно делать. В такие минуты мой мозг становится приёмником, подчиняясь высшей силе. Приняв всё со смирением, я поблагодарил Бога за оказанное доверие.

Впереди совсем другой путь, нежели предполагало моё несчастное сердце. Но, быть может, я ещё успею... Надежда всегда умирает последней.

Это должно случиться недалеко от границы с Германией, по трассе на Берлин, возле Слублицы. Времени хватает, веду автомобиль, не нарушая правил. Моя задача – не предотвратить несчастье, а вовремя появиться на месте происшествия.

Могу ли я вмешаться и спасти чью-то жизнь? Думаю, что есть вещи, решённые за нас изначально, и свято верю в то, что даже в несчастьях – промысел Божий. Иногда скоропостижная смерть избавляет от долгих страданий, от какой-то смертельной болезни, которая может появиться, если человека вовремя не заберут, или ещё каких-то ужасных вещей, о которых мы даже не подозреваем. Я не смею вмешиваться в сферы, неподвластные мне. Хотя, безумно переживаю каждое такое поручение, мой человеческий разум и душа разрываются от боли, зная, что человек ещё жив и не ведает о том, что скоро его постигнет...

Сумерки. Дождь хлещет в лобовое стекло, уменьшая и без того плохую видимость. «Вот в такое время и случается неизбежное...» – подумал я, протирая рукой уставшие глаза. И это произошло. Мне передали моментальную картину, визг тормозов, металлический скрежет удара. Совсем где-то рядом...

Вскоре стало видно перевёрнутую машину. Съехав с трассы, бросился к дымящемуся автомобилю. Заднюю дверь заклинило, пришлось выбивать стекло. С трудом добрался до детского кресла, отстегнул защитный ремень и вытащил находящегося без сознания ребёнка. Матери, сидящей за рулём, помогать уже поздно. Её душа находится в полной растерянности рядом с телом. Остановилось ещё несколько машин. Люди спешат на помощь. Прошу вызвать «скорую» и полицейских. Ребёнок на моих руках всё ещё без сознания. Использую время, чтобы проводить душу туда, где её уже ждут. Надо же, в родне есть святой! Тем лучше для усопшей. Мальчик очнулся и смотрит на меня огромными от ужаса глазами.

– Мама уже далеко. Так лучше. Так надо. Поверь мне! Детский крик оглушает.

Ему отроду года три, не больше. Прижимаю к сердцу, давая в себе подступившие слёзы.

«Все силы мои для тебя, малыш!» – вливаю успокоение, притупляя ужас и страх пережитого. Но это будет стоить ему нескольких лет молчания. Так дано. И это наименьшее последствие из возможных.

Когда прибыли полицейские и медики, начался обычный процесс при дорожно-транспортном происшествии. Ребёнка у меня тут же забрали. Чтобы вытащить тело женщины, пришлось вырезать дверные проёмы, вернее то, что от них осталось в искореженной груди металла. Дал показания. Мальчика, находящегося в шоковом состоянии, отправили в больницу. Выяснив по документам имя матери, полицейские навели справки: отца у ребёнка нет, погибла мать-одиночка.

Жаниса, а именно так его зовут, ожидает детский дом. Узнав, в какой больнице его разместят, я отправился следом, мне ещё предстоит позаботиться об этом малыше.

От Эрика 5

В этой поездке меня сопровождала некая сущность высшего ранга, для которой я служу скорее телесной оболочкой, необходимой для физической помощи и контакта с нужными людьми. Наша задача заключалась в том, чтобы отыскать человека, способного возложить на себя обязанности по духовному воспитанию Жаниса и заботе о нём. Руководитель был рядом, чтобы помочь. К тому же, мне не всё положено было знать. Этот ребёнок, судя по всему, особенный, и выбран для особой миссии, иначе бы не были задействованы столь могущественные силы.

Побывав в больнице и удостоверившись в безопасности мальчика, физически почти не пострадавшего, мы отправились в монастырь, принадлежащий Конгрегации Сестёр Божьей Матери Милосердия, расположенный в старинном средневековом здании, ограждённом оборонительной каменной стеной. На территорию монастыря не пускали посторонних, но мой сан был пропуском во многие закрытые места. Попросил о встрече с настоятельницей. Молодая монахиня провела меня в комнату для визитов (светлое, просторное помещение с большой иконой, одной из самых любимых и почитаемых мною, Иисуса Милосердного). В центре комнаты – стол, на котором стопками сложены какие-то бумаги и несколько стульев вокруг него, один из них я отодвинул и сел. Меня беспокоило то, что я не знал, как начать разговор, подойти к такому трудному вопросу, к тому же не совсем понимал, что именно необходимо просить. «Всё будет, так как надо. Не волнуйся! Я сам буду говорить с ней. А ты максимально расслабься, чтобы не было сопротивления, иначе головной боли не избежать». Когда пришла матушка-настоятельница, всё именно так и случилось. Мой разум перешёл под контроль другой сущности, губы говорили, тело двигалось, а я будто смотрел на всё это со стороны. Очень странное и нелепое состояние, непохожее ни на что другое. Я с трудом понимал, о чём они говорят, словно находясь в полузабытии. Когда беседа была окончена, меня опять вернули в свою телесную оболочку. Наверное, выражение моего лица выглядело совершенно растерянным, когда это произошло, потому что матушка улыбнулась и перекрестила меня:

– Да хранит тебя Господь, сын мой!

Это крестное знамение помогло мне придти в себя.

– Как ты себя чувствуешь? Может воды?

– Не откажусь.

– Пойдём, я провожу тебя... – сказала она и повеяло теплом.

Стены монастыря были пропитаны молитвой и светом, проходя по его коридорам, я заметил необыкновенную энергетику покоя и благодати. Монашки, встречавшиеся нам по пути, смиренно опускали глаза, поприветствовав нас. Интересно, видела ли хоть одна из них дух моего спутника? Сам я не решался спросить хоть что-либо у настоятельницы, считая необходимым терпеливо ждать дальнейших указаний.

Она проводила меня во двор, где находился источник, родник, бывший прямо из-под земли, огороженный небольшим каменным бордюром. Почерпнув воды, она подала мне ковш.

– Выпей и умойся, сразу станет лучше.

Сделал всё, как она сказала и словно пелена спала с глаз.

– Спасибо, матушка.

– Господь тебя благослови! Ступай с Богом. Мы ещё встретимся.

Поцеловав тёплую, морщинистую руку монахини, я ушёл без лишних слов.

На время меня отпустили, дали спокойно вздохнуть, и я отправился искать ночлег. В первой же попавшейся недорогой гостинице нашёл свободный номер. Какое счастье просто лечь и закрыть глаза! Объятия сна – невиданная роскошь, после столь долгого и напряжённого дня.

Утро началось с посещения малыша в больнице. Решался вопрос о передаче ребёнка в детский дом, и тут я был бессилен что-либо предпринять. Закон есть закон.

Жанис, увидев меня, потянул ко мне маленькие детские ручонки, жалобно издавая звук, подобный скулению собаки. Я взял его на руки и прижал к сердцу так же, как накануне. Его тёмно-карие глазки, наполненные слезами, смотрели на меня с надеждой и немой мольбой. Но я не мог вернуть ему маму, так же, как не мог заменить ему отца или усыновить его. Мы оба были заложниками данных обстоятельств, и их приходилось преодолевать, порой принося в жертву самое важное и дорогое. Я поцеловал его тёплый лобик и почувствовал, как сердце наполняется любовью. Тут же вспомнилась маленькая Эрика у Наташи на руках... Малыш прильнул к моей груди, как к родному человеку и даже закрыл глаза. Было очень тяжело осознавать, что я не могу ему помочь, не могу остаться с ним.

«Справляться со своими эмоциями тебе придётся самому. Не привязывайся к мальчику. У вас разные пути». – мой спутник видит всё, от него нельзя скрыть ни мысли, ни чувства.

Доктора разрешили мне немного побыть с малышом. Но вскоре приехала представитель социальной службы опеки. Молодая, приятного вида женщина, лет тридцати, с лицом человека, привыкшего быть несгибаемым и много повидавшего на своём веку. Удивившись моему присутствию, она спросила, кто я и что здесь делаю. Я представился и попросил разрешения сопроводить малыша в детский дом. Увидев, как крепко спит ребёнок на моих руках, она согласилась.

– Кто Вы ему родственник или друг семьи?

– Ни то и ни другое, пани, я случайный свидетель вчерашней трагедии, – невольный вздох вырвался из груди. – Первый, кого Жанис увидел после аварии.

– Я поняла. Мальчику повезло, что Вы пришли ему на помощь и проявили сострадание. Не переживайте так, у нас хороший детский дом. Многие дети быстро находят приёмные семьи и новых родителей... – она что-то ещё рассказывала мне, пока мы ехали, об условиях усыновления и строгом контроле, но я почти не слышал её, наблюдая за выражением лица спящего ребёнка, прислушиваясь к его ровному дыханию, с грустью понимая, что скоро придётся расстаться с ним.

В детском доме нам показали, в каких условиях содержатся воспитанники, устроив небольшую экскурсию по приюту. Это было совсем новое и хорошо оборудованное здание с массой игровых комнат, спортивным залом, комфортабельной столовой, яркими игрушками, хорошей мебелью. Персонал тоже показался мне вполне дружелюбным... Но ничто это не могло заменить детям тепло семейного очага и родительской любви. Глаза малышей оставались одинаково грустными, полными печали и сиротской тоски, а ещё, робкой надежды, обращённой ко всем, кто приходил к ним, с немой мольбой: «Возьми меня с собой!» Такая же горькая судьба ждала и нашего Жаниса.

Когда он проснулся, начал с удивлением разглядывать всё, что его окружало, по-детски, с любопытством, обращая внимание на яркие игрушки, новую обстановку и, конечно же, на своих сверстников, шумно обступивших нас со всех сторон.

Пришло время прощаться. Воспользовавшись тем, что мальчик отвлёкся, я смог незаметно уйти. Не хотелось видеть его слёз. Нам нельзя привыкать к друг другу.

Ситуация с «переселением» разума повторялась ещё несколько раз. Говорили о ребёнке с его будущими воспитателями и директором, как необходимо направить его, чтобы развить нужные способности, что монахини будут часто посещать Жаниса и помогать ему. Вселяясь в меня, дух говорил с людьми, имея на них просто гипнотическое воздействие.

Я всё легче уступал ему место, не испытывая уже первичных затруднений. Но только с настоятельницей монастыря он говорил на равных о вещах, мне недоступных, а ей – понятных.

Через несколько дней я, наконец-то, был предоставлен самому себе. От «отпуска», оставалось всего четыре дня. С учётом дороги туда и обратно, у меня в распоряжении было что-то чуть больше суток возможного пребывания в родных местах. Понятно, что ни о каком отдыхе речь уже не шла, но, я был готов отдать всё, что есть, лишь бы увидеть Наташу ещё хотя бы раз.

Не теряя времени, отправился в путь с редкими перерывами, останавливаясь лишь для сна и утоления голода. Мне нужна была эта встреча, словно воздух. Любовь оставалась последней ниточкой, связующей меня не только с моей прошлой жизнью, но и с реальностью бытия.

От Эрика 6

Понимаю, что поступаю эгоистично и безрассудно, как шестнадцатилетний мальчишка, лечу на встречу с той, чья жизнь давно уже сложилась без меня, но не могу иначе, буквально задыхаясь без неё. Мне необходимо почувствовать биение её сердца. Дышать с ней одним воздухом.

Километр за километром, час за часом, преодолевая расстояние и муки совести, забыв обо всём, спешу к той, от которой отрёкся, принимая сан и давая клятву безбрачия ради великих целей. Вся жизнь пронеслась перед глазами: с самых первых минут, когда увидел Наташу и до последних, когда мы прощались в последний раз. Всё понимая, всё осознавая, я не могу уже остановиться, не могу повернуть назад. Это срыв, я больше собой не владею.

Многолетние старания летят в тартарары. И чем ближе к ней, тем труднее становится совладать с собой. Возможно, решающую роль в этом сыграла моя усталость или тот малыш сирота, оставшийся в детском доме Слубицы...

Человек во мне стал сильнее священника. Многолетняя тоска и одиночество пробили брешь в защитной броне моей воли. Не могу поступить иначе. Настал момент, когда я готов умереть ради того, чтобы ещё хоть раз просто увидеть её, прикоснуться к ней...

Когда-то Наташа поцеловала мне руку, инстинктивно, неосознанно, порывом души. Теперь я жажду целовать её руки, осознав, что нет более близкого для меня на земле человека.

Израненный чужими болезнями, скорбью, смертями, я хочу окунуться с головой в её тепло, непостижимую любовь ко мне, чудесным образом сохранившуюся в её сердце, даже столько лет спустя.

Кажется, душа летит впереди машины, везущей брэнное тело. За окном – города, деревни, леса, поля, реки, озёра... но пейзаж не интересует уставшие глаза. Мне безразлично, хлещет ли дождь в лобовое стекло или слепит солнце. Одержимый любовью, стремлюсь к ней, и ни что уже не сможет меня остановить, разве что смерть, слишком хорошо мне знакомая. Я найду к любимой дорогу и без тела, буду ходить за ней тенью, оберегать покой. Смерть... как часто она кажется мне избавлением от земных мук, освобождением от несовершенной материи.

Но сейчас больше всего на свете хочется жить, жить и чувствовать каждой клеточкой тела, каждой фиброй души!.. Опасное состояние на грани умопомрачения, и я, как духовник, хорошо понимаю это рассудком, но взбунтовавшееся сердце вышло из-под управления. Всё теряет свой смысл и значимость перед возможностью ощутить её присутствие.

Остановился в центре города. Пошёл мокрый, тяжёлый снег, первый этой осенью. Он хлещет меня по лицу, словно пытаюсь остудить моё необузданное желание ворваться в Наташину жизнь снова.

Зашёл на почту, попросил телефонную книгу и без труда отыскал адрес и телефон, её новая фамилия стала мне известна ещё в больнице, в ту нашу встречу, при разговоре с врачом. Дрожащей рукой набрал заветные цифры их домашнего телефона. Не знаю, как бы я поступил, если бы услышал мужской голос, наверное, опустил бы трубку, но это – ОНА.

– Привет! – почти задыхаясь, я произнёс всего одно слово, предательски охрипшим голосом.

– Эрик?! Это ты? – спросила она, не доверяя услышанному.

– Да. Я приехал, чтобы увидеть тебя. Это возможно?

– Конечно! Пожалуйста, приезжай ко мне. Я буду ждать! – она разволновалась.

– Это удобно? Что подумает Виктор?

– Я одна. Вернее мы с Эрикой. Ты найдёшь нас?

– Да, я нашёл адрес, только не знаю номера квартиры.

– Второй подъезд, третий этаж – налево, 34 квартира. Жду!

Тонкая куртка не спасала от ветра и снегопада, мокрая каша разъезжалась под ногами.

Дрожа от холода и волнения, подбежал к машине. Сердце вот-вот порвёт грудную клетку и вылетит из неё, словно жаждущая свободы птица.

«Ещё немного, совсем чуть-чуть, и я увижу её! Господи, прости и помоги!.. Знаю, как грешен перед тобой. Но она меня ждёт. И это важнее всего».

Уже через пять минут я нашёл этот дом. Нашёл и замер перед ним как вкопанный, вглядываясь в освещённые окна чужой устоявшейся жизни, в которой мне нет и не может быть места.

От Эрика 7

Стоял во дворе, пока не промок и не промёрз до мозга костей. Когда вошёл в подъезд, стал медленно подниматься по лестнице, останавливаясь на каждом этаже, как старик, которого покинули силы. Перед дверью снова замер. Исчезла куда-то вся решительность, но отступать поздно и ещё глупее, чем приехать сюда. Сделав глубокий вдох, постучал. Наташа тут же открыла, словно ждала у двери всё это время.

– Эрик! Боже, весь мокрый! Ты что, пешком сюда шёл? – не дожидаясь ответа, она затащила меня в квартиру. – Где же ты пропал?

– Точно, что «пропал»! – я улыбнулся.

Наташа сбегала за полотенцем и начала растирать мою голову, как ребёнку.

– Уши холодные! Ты весь ледяной! Что случилось? Пойдём, я напою тебя горячим чаем, пока ты не заболел... – она потянула меня за руку, не дав даже разуться, на ходу снимая промокшую насквозь куртку. – Садись! Разувайся. Носки тоже мокрые, снимай! И свитер...

– Так ты меня совсем разденешь! – мне было неловко.

– Мы никому не скажем, святой отец, – она ушла, захватив с собой мокрые вещи, вернулась через минуту с охапкой тёплой одежды, тапками и бутылкой рижского бальзама.

– Сейчас отогреешься! Одевайся!

Шерстяной джемпер немного покалывал кожу, но неловкость я испытывал не от этого, здесь всё принадлежало Виктору, и эта мысль не давала мне покоя. «Зачем я приехал? Какой чёрт дёрнул меня снова потревожить её?..».

– Что же ты себя совсем не бережешь?! – бормотала Наташа, натягивая на мои закованные ноги махровые носки. Я молчал, наблюдая за всем происходящим в каком-то полубоморочном состоянии.

В кухне горел яркий свет, было тепло и уютно, во всём ощущался вкус и забота женских рук, чистота и порядок семейного очага. Совершенно растерянный, я не понимал, что здесь делаю, как меня угораздило оказаться тут?! И это не сон!

Вода закипела, Наташа засыпала в чайник какие-то лекарственные травы, по кухне распространился аромат лета.

– Сейчас, сейчас ты согреешься! – в который раз повторила она, словно это может ускорить процесс. Взяв мои руки в свои ладони, Наташа начала их растирать и согревать дыханием, ко мне возвращалась жизнь.

– Эрик, я ещё тебя таким никогда не видела. Ты совершенно измотан, щёки впали, синяки под глазами, нельзя так себя изнурять! – она провела тёплой, нежной ладонью по моей небритой щеке. – Глаза совсем провалились!.. – её тревоге не было конца, на мгновение показалось, что рядом – мама. Тепло любящей женщины, которого мне так не хватало в теперешней жизни. В чай Наташа добавила бальзам и положила ложку мёда. Я послушно взял предложенный мне напиток, зажав в ладонях горячую кружку, начал медленно пить маленькими глотками. Тепло стало распространяться по телу.

– Прости за беспокойство!..

– Я очень рада видеть тебя, Эрик! В прошлый раз мы и проститься-то толком не успели, ты исчез так же внезапно, как и появился. Надеюсь, теперь не уедешь так скоро... – её голос звучал как ангельское пение, отзываясь во мне и нежностью, и болью, одновременно. Она немного поправилась после родов и стала ещё красивее, чем прежде. Её божественные голубые глаза сверкали радостью и волнением, лёгкий, манящий румянец на щеках.

Прекрасные густые волосы плавными волнами спускаются на плечи. Фигура приобрела женственные формы, так что невозможно глаз оторвать. Я залюбовался, чем невольно смутил Наташу и, лишь опомнившись, отвёл взгляд.

– Как ты? Как Эрика?

– Хорошо. С ней всё в порядке. Растём не по дням, а по часам, благодаря тебе! – она подошла и по-матерински прикоснулась губами ко лбу, проверяя нет ли у меня температуры. Почувствовав её близость, я не смог удержаться и крепко прижал к себе. Наташа не сопротивлялась. Мы оба замерли, едва дыша. Меня бросило в жар. Она молча перебирала пальцами ещё влажные пряди моих волос, не отстраняясь, словно всегда этого ждала. От аромата её тела закружилась голова, пьянея не от крепкого напитка, а от любимой женщины...

– Ты же, наверняка, голоден и устал с дороги, – спохватилась она, словно испугавшись, что я сейчас возьму и исчезну.

– Даже не представляешь, насколько!.. – я отпустил её с тяжелым вздохом, расцепляя отяжелевшие руки.

Зазвенели тарелки, на плите грелась еда. Смотрел на неё и не верилось, что это происходит в реальности.

– Ты надолго в наших краях? – вопрос прозвучал с надеждой.

– Завтра должен отправиться обратно.

– Как, завтра? Уже?! – она вздохнула, покачав головой из стороны в сторону, и прикусила губу, – этот её жест помню ещё со школы, в такие минуты Наташа становилась похожа на маленькую растерянную девочку.

– Наверное, будет лучше, если я переночую дома...

– Даже не думай, я никуда тебя не отпущу! – Наташа посмотрела на меня, полная решимости. – Даже не обсуждается.

– Это неудобно, что скажет твой муж?

– Ничего он не скажет. Я подала на развод, – она опустила глаза.

– Что-то случилось?

– Больше не могу.

Я не поверил своим ушам, прошло всего каких-то пару месяцев, как у них родился ребёнок, и... развод?

– В этом моя вина. Я больше не смогла притворяться, – её взгляд стал холодным, – в начале меня спасало физическое недомогание... – Наташа даже побледнела, вспоминая, – потом его терпение лопнуло, Виктор стал задерживаться допоздна, приходил пьяный, начались бесконечные скандалы, день за днём... Это выше моих сил, понимаешь? – её глаза наполнились слезами, голос задрожал. – Однажды он просто повалил меня на пол... и взял силой, – слёзы потекли по её щекам, губы задрожали.

Я обнял её, не находя слов. Душа наполнилась ядом, отравой дикой ярости, до этих пор неизвестной мне. Попадись этот человек сейчас мне под руки, я бы задушил его на этом самом месте, забыв про все законы и заповеди.

Ощущая биение раненого сердца, её горечь и боль, я осознал свою вину. Когда-то я предал эту девочку. Тогда, много лет назад, оставил её одну, отпустив на все четыре стороны. Не защитил, не позаботился о ней.

Вина за всё, что произошло в наших с нею жизнях, лежит на моей совести, вся тяжесть якобы правильных решений и поступков. Знал ведь, как сильно она меня любила, и, всё-таки, отрёкся. Какой же я после этого священник? Какое право имею учить чему-то людей, когда самому близкому и любимому человеку причинил столько страданий?» Наташа успокоилась, не подозревая, о чём я думаю, расслабилась и даже чуть обмякла в моих руках, дыхание стало ровным, спокойным, тихим. Подействовала сила, которой Господь щедро наградил меня. Самое малое, что я мог сделать сейчас для неё.

– Прости меня, если сможешь. Это я во всём виноват.

– Перестань! Причём здесь ты? Нет тут твоей вины, Эрик, я сама не справилась со своими чувствами, сама вышла замуж без любви. Сама и виновата. Ты нужен людям. Я всё пони-

маю... – горький вздох вырвался у неё из груди. – Ты не мог поступить иначе ни тогда, ни теперь. Не знаю, что было бы с Эрикой, если б ты не спас её! Так что – всё правильно. Не нужно ни о чём жалеть! Я и Виктора не виню, его тоже можно понять. После того, как я увидела тебя в больнице, совсем потеряла голову и больше не смогла врать ни себе, ни ему. Не нужно было рассказывать тебе об этом, прости.

Я уже не понимал, что в этом мире правильно, а что нет. Мысль о том, что я в ответе за любимую женщину и необходим ей, укоренилась в сердце. Но как жить дальше с этим? Как вернуться к служению?

От Эрика 8

Ужин исключительно вкусный, настолько, что я уже и не помню, когда последний раз ел нормальную человеческую пищу, приготовленную женскими руками.

Наташа смотрит на меня, не отводя глаз, так, словно желает запомнить в деталях каждую морщинку и родинку на моём лице. И я испытываю тихое блаженство от этого взгляда, будто не было этих лет разлуки и борьбы с самим собой. А ведь так могло бы быть всегда...

Сколько раз мама говорила мне об этом, не одобряя моих жертвенных планов: «Эрик, ты не сможешь жить без семьи! Ты даже не представляешь себе, насколько это трудно!» Теперь представляю. Представляю на все сто процентов. Впервые целибат кажется мне чем-то противоестественным и ненормальным. Ведь живут же другие священники, имея семью и детей, при этом неся своё служение Богу и людям. Почему же так не случилось со мной? И что я мог сделать теперь, будучи католическим священником?..

– Спасибо, ты очень вкусно готовишь!

– Добавки?

– Нет, иначе я лопну.

Наташа потянулась за тарелкой, а я поймал её руку и поцеловал.

– Ты меня смущаешь, Эрик, – она засуетилась, убирая со стола.

– Можно на крестницу посмотреть?

– Эрика спит уже, пойдём в комнату, только тихо! Я включу свет в коридоре, чтобы не потревожить её, – полушёпотом ответила Наташа, будто мы уже были в спальне, возле спящей девочки.

Маленькое ангельское личико с розовыми щёчками, пухлые ручки выбрались из-под одеяла. Аура материнской нежности и покоя окутывает малышку со всех сторон.

Безмятежный детский сон охраняют небеса. Я улыбнулся с печалью в сердце. Эрика могла бы быть нашей дочерью... Если бы я тогда понимал, от чего отказывался! У неё были миниатюрные черты лица своей матери, с точностью повторённые Великим Художником жизни.

Опять вспомнился Жанис, оставшийся сиротой, у которого не стало этого тепла и покоя, родительской ласки, заботы и любви.

Перекрестив малышку, я вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь. Наташа ждала меня в коридоре, внимательно наблюдая за тем, что происходит в моей душе.

– С тобой что-то случилось? – тихо спросила она. – Я ещё никогда не видела тебя таким подавленным и неуверенным в себе, Эрик.

– Это правда. Я сам не знаю, что со мной происходит. Наверное, устал.

– Такая дорога, конечно... – задумчиво произнесла она, погладив меня ладонью по спине. Пойдём, я постелю тебе.

– Минутку, я схожу вниз за вещами.

– Только не исчезай опять, пожалуйста! – жалобно, как ребёнок, попросила она.

– Не исчезну, я скоро. Ты даже не успеешь соскучиться! Наташа печально улыбнулась, но ничего не ответила.

Выскочив на улицу в непрекращающийся мокрый снегопад, я быстро схватил сумку из багажника машины и вернулся в дом.

– Прости, что без подарков! – сказал я, снимая обувь.

– Брось, ты! Эрик, твой приезд – лучший подарок для меня! – в её голосе было столько искренности и тепла, что горячая волна пробежала по телу.

– Позволь, я приведу себя в порядок, стыдно ходить перед тобой таким небритым.

– Конечно, сейчас дам тебе полотенце, в ванне есть всё необходимое, будь как дома.

– Спасибо! Чтобы я без тебя делал?

Эти слова вызвали улыбку радости на её лице.

Горячая вода успокоила, придала сил. Наконец-то, привёл себя в божеский вид, побрился, сменил одежду. Когда вышел из ванной комнаты, столкнулся в коридоре с Наташей.

– Давай, постираю твою одежду, до завтра высохнет на батарее.

Я хотел воспротивиться, но мои доводы были для неё неубедительны.

– Дай мне хоть что-то сделать для тебя, Эрик! Пришлось уступить.

В зале включен телевизор, идут новости, я сел на диван и осмотрелся вокруг, квартира показалась просто роскошной (после привычного минимализма во всём – полная противоположность): красивая мебель, ковры, хрусталь в серванте, позолоченная люстра, светильники, статуэтки, цветы, картины... Странное ощущение. Я здесь и не здесь, словно потерянный дух, попавший из одного измерения в другое.

Наташа вернулась, и всё исчезло, рядом с ней я перестаю что-либо замечать. Она села рядом, совсем близко, прижалась ко мне.

– Ты устал, хочешь лечь?

– Нет, побудь со мной.

– Хорошо, только ты всё равно приляжешь. Она отодвинулась. Я, свернувшись калачиком, положил голову на её колени и закрыл глаза. Мог ли я даже мечтать о таком?! Тёплая ладонь прикоснулась к моему лицу.

– Вздремни хоть немного, я буду рядом...

Всецело отдавшись этому блаженству, начал погружаться в сон, ощущая ласку её трепетных пальцев на моём лице.

От Эрика 9

Проспал беспробудным сном часов двенадцать подряд, уже далеко не раннее утро. Под моей головой не Наташины колени, а мягкая подушка, и накрыт я тёплым пуховым одеялом. Из кухни доносится соблазнительный запах чего-то очень-очень вкусного.

Вспомнилась мама... Она готовила мне по утрам, чтобы я мог позавтракать до занятий, и каждый раз уговаривала что-то съесть: «Тебе нужны силы на учёбу, Эрик. Откуда же им взяться, если ты голодом себя моришь?» Как давно это было, Боже мой, словно в другой жизни!

Поднялся с мыслью о том, что должен привести себя в порядок, прежде чем появлюсь на глаза любимой женщине. Домашние звуки, ни с чем не сравнимые по своей значимости, ласкают слух. Одно осознание того, что Наташа – рядом, уже наполняет мир волшебными красками... Я вдыхаю этот целительный воздух и улавливаю каждое мгновение с большим душевным голодом, понимая, сколько бесценных часов упустил, проспав эту ночь.

Первым делом зашёл в ванную комнату, умылся ледяной водой. Постепенно возвращается ясность мышления, виденье ситуации, в которой я оказался, повинаясь зову сердца.

Вспомнилось, ясно и чётко, что было пережито за последние дни, ибо до этого я пребывал словно в состоянии помешательства. Усталость, авария, любовь, всё смешалось в один гремучий клубок. Но, несмотря ни на что, я, приехал, а значит так должно было случиться. Любовь взяла верх надо мной, пересилив все препятствия и преграды.

Когда я зашёл на кухню, у Наташи выпала из рук кухонная лопатка. Мы оба нагнулись, чтобы её поднять, и встретились взглядом. Передо мной – самая красивая женщина на свете, настолько, что я не в силах пошевелиться. Она тоже обо всём забыла и замерла, наши руки соединились на мгновение. На сковородке что-то стало пригорать. Наташа опомнилась, и, вскочив, убрала с огня подгоревшие оладьи.

– Слава Богу, ты проснулся, мне уже стало казаться, что это летаргический сон.

– Доброе утро! Прости, я вчера...

– Пожалуйста, Эрик, перестань просить у меня всякий раз прощения! Ты не просто устал, ты был совершенно измотан. И если собираешься сегодня отправиться в обратный путь, то выспаться было совершенно необходимо! – нежность её взгляда пробежала по мне горячей волной. Судя по тёмным кругам у глаз, она эту ночь не спала.

Я, на самом деле, не переставал извиняться перед ней, ощущая свою вину с того самого дня, когда услышал в кочегарке признание в любви и отверг её, поставив точку в наших отношениях. Но тогда мне это казалось верным и единственно правильным решением. Потом был год, за который мы полностью отделились друг от друга, не переставая любить. Это дало мне возможность уехать, поступить в семинарию, стать священником, но не изменило моих чувств к этой женщине, теперь они стали ещё глубже и острее.

– Садись, пожалуйста, поешь! – она придвинула ко мне тарелку с пышными оладьями.

– Спасибо! – я почувствовал, как сильно голоден.

Наташа улыбнулась, и стало на сердце светло. Из детской комнаты донёсся плач Эрики, мы оба вздрогнули от неожиданности.

– Ешь! Я сейчас... – она убежала и через пару минут вернулась с малышкой на руках.

– Посмотри, солнышко, кто к нам приехал!

Эрика улыбнулась мне восхитительной детской, беззубой улыбкой.

– Позволишь?

Наташа передала мне малышку. Она подросла за эти месяцы и выглядела совершенно здоровой и крепенькой. Эрика принялась меня разглядывать своими огромными ясными глазами. Теперь энергия жизни равномерно распределялась по ней. Когда я впервые увидел её

в больнице, жизнь в ребёнке теплилась лишь у основания «родничка», и могла в любой момент погаснуть.

Вспомнился момент, когда я услышал голос, зовущий издалека, слабый, почти безнадёжный в моей голове. Слава Богу, что я тогда вовремя успел! Всё вышло так, как предвиделось: встреча с её отцом, Виктором, в старой церкви у Графского парка, новорождённый ребёнок, нуждающийся в крещении. Я не знал только одного, что она – дочь Наташи. Получается, Сам Бог устроил нам эту встречу. Зачем, Господи?! Я не знаю, как теперь с этим жить.

– Ну, хватит улыбаться друг другу! Всё остынет... – Наташа забрала малышку, бережно прижав к своей груди. – Ешь, Эрик, тебе нужны силы, – (ну, точно как мама!) – ...а я дочку покормлю, – она вышла из кухни.

Кто бы знал, чего стоит держать себя в руках, чтобы не упасть перед этой женщиной на колени и не броситься в жаркие объятия наших чувств! Да, мне нужны силы. Поглощая оладьи, понял, что ничего вкуснее в своей жизни я ещё не ел.

Резкий, как мне показалось, неприлично продолжительный звонок в дверь, от которого что-то больно кольнуло в груди.

– Эрик, открой, пожалуйста, я не могу сейчас подойти! – донёсся из спальни голос Наташи. Конечно же, она ведь кормит грудью, тут не прерваться... Я открыл дверь, на пороге стоял Виктор, слегка покачиваясь, видимо, с долгого перепоя.

– Ба! Какие люди! Уж не тот ли ты самый батюшка, спаситель наш?! – язвительно произнёс он, пытаюсь сосредоточиться. – Одноклассничек, ё-моё... – у него заплетался язык, и тело, плохо управляемое, как на шарнирах, с трудом удерживало равновесие. – И что же мы тут делаем с утра пораньше, извольте полюбопытствовать?!

Я вышел на лестничную площадку, и, закрыв за собою дверь, преградил ему путь в квартиру.

– Виктор, ты совершенно пьян! Не нужно беспокоить в таком состоянии близких тебе людей!

– Ты непустишь меня в мою собственную квартиру?! – он икнул и злобно уставился на меня красными с похмелья глазами.

Всё равно как, но я бы не впустил его к Наташе в таком состоянии, ни за что на свете:

– Остынь, пожалуйста! Проспись... – мой голос звучал, словно со стороны, отдаваясь эхом по этажам подъезда.

– Скажи этой дряни, пусть выматывается отсюда! – он стукнул ногой по дверному косяку и еле удержался на ногах. – Дочку я у неё всё равно заберу. Пусть не думает, что со мной можно вот так!.. – он сморщился и стиснул желваки на небритых скулах. – И ещё, передай, что я её уволил! – ему очень хотелось подчеркнуть свою значимость, чтобы поднять уязвлённое мужское самолюбие, даже голову вскинул, будто чёлку поправляя. – К-к-кто она, вообще, такая? Кто она без меня?!

– Она женщина и мать твоего ребёнка! Тебе мало того, что ты уже с ней сделал?! – ярость, вскипевшая во мне, застелила глаза красной пеленой.

– О! Так мы ещё жалуемся первым встречным! – он грубо засмеялся. – Пусть скажет спасибо, что я вообще её любил!

В этот момент у меня в мозгу что-то заклинило, я схватил его за грудки, и через мои руки произошёл энергетический выброс. Разряд был таким, что Виктора отбросило к противоположной двери. Он сполз по стенке, потеряв на какое-то мгновение сознание, а когда очнулся, оказался совершенно трезв.

– Ты что?! – он вытаращился на меня совершенно ошаревшими глазами. – Что себе позволяешь? Ты знаешь, кто я, вообще?! Я не посмотрю, что ты – священник!..

Но дальше слов дело не пошло, он не рискнул до меня дотронуться, окончательно придя в себя, встал, развернулся и ушёл прочь.

Я мог стерпеть всё, что касалось меня, но только не унижение любимой женщины. До этого момента я даже не подозревал, что мой дар обладает ещё и такой способностью, это стало шоком для меня самого. Оказалось, что энергия нейтральна, и может использоваться поразному, в зависимости от эмоций, владеющих мной.

– Я ещё вернусь! – донёсся голос Виктора, внизу громко хлопнула дверь.

Вернулся в квартиру. Наташа стояла в коридоре, прислонившись к стене спиной, с глазами полными слёз.

– Прости, я не знала, что это он, и не должна была тебя вмешивать, я так испугалась, когда услышала!.. – слёзы побежали по щекам.

– Тихо, тихо, моя хорошая, всё уже позади! – я обнял её, прижав к сердцу. – Всё в порядке, родная! Всё будет хорошо. Я не дам тебя в обиду, обещаю!

Когда Наташа немного успокоилась, я повёл её на кухню, усадил и дал выпить воды.

– Давно это так?

– Месяца полтора уже. Мне некуда идти, – всхлипывая, сказала она. – Мама против нашего развода...

– Ты только успокойся! Мы что-нибудь придумаем. Я сейчас!.. – найдя нужный номер, созвонился с нотариусом. Покупателя на наш дом, слава Богу, ещё не нашлось, я попросил остановить продажу и вместо этого подготовить другой договор. Мы условились о встрече.

– Наташа, ты готова уехать отсюда?

Она, ни секунды не колеблясь, ответила:

– Да!

– Тогда собери самое нужное: вещи, документы, то, что необходимо для Эрики. Я помогу тебе и не уеду, пока не буду уверен, что вы обе в безопасности!

После этого я позвонил наставнику в Польшу и сообщил, что вынужден задержаться ещё хотя бы на сутки. Добрый Язеп позволил мне сделать это.

От Эрика 10

Наташа суежилась, собирая вещи, необходимые для неё и ребёнка. Я молча смотрел на это, стараясь её не отвлекать, и анализировал ситуацию, в которой мы все оказались.

Единственно правильным решением казалось забрать их отсюда подальше, но, с другой стороны, шёл бракоразводный процесс, и вывезти ребёнка за пределы страны ей бы никто не позволил. Да и куда? В мою крохотную квартиру от церковного прихода? Было бы хорошо, на первое время, подыскать для Наташи какое-то жильё, но беда в том, что я таких расходов просто бы не осилил. Оставался только мамин дом, но в этом городе их легко найти.

Впрочем, я всё же надеялся, что Виктор опомнится и перестанет терроризировать свою семью.

– Мне нужно уехать, чтобы уладить все дела насчёт дома, подключить электричество, газ. Закройся и никому не открывай дверь до моего возвращения, а я тебе предварительно позвоню по телефону, хорошо?

Вместо ответа Наташа меня нежно обняла:

– Спасибо, Эрик, не знаю даже, как благодарить тебя.

– Тебе необходимо жить спокойно, без страха растить свою дочь, – я поцеловал её возле виска, вдохнув родной пшеничный запах. – Скоро вернусь! Ничего не бойся! Она только горько вздохнула, ничего не ответив.

Разрешив все проблемы с нотариусом, я подъехал к нашему дому, открыл дверь. Потянуло холодом и запустением, распахнул все окна и ставни, устроил сквозняк, что бы проветрить долго запечатое помещение. Мебель и все наши с мамой вещи оставались на своих местах. Я так и не добрался освободить от них дом. Было собрано всего нескольких коробок с моими личными вещами, которые я собирался увезти с собой в Польшу: любимые книги, фотоальбомы, иконы, мои записи и дневники. Теперь в этом отпадала всякая необходимость, я оставлял всё любимому человеку. Протерев пыль с мебели, я навёл наспех порядок, а после сел и оглянулся вокруг себя. Всё было как прежде, не хватало только мамы, её голоса, ласковых рук, любящих глаз.

– Ну, вот, родная, твоя мечта и сбылась! – сказал вслух. – Скоро в этом доме зазвучит детский голос. Здесь будет жить Наташа и её маленькая дочь, – я глубоко вздохнул. – Что же мне теперь делать, мама?..

Ответа не последовало. В глубине души я понимал, что стоит сделать всего лишь шаг на встречу любви и... Наши чувства взаимны, я мог бы стать счастливейшим из смертных. Но мой сан, клятва, которую я дал, как быть с этим?! Тело и душа пылают огнём любви и желаний, но я должен сдерживать себя, чего бы это ни стоило, по крайней мере сейчас.

Понимаю неизбежность выбора. Чувствую, насколько я нужен Наташе, особенно сейчас, но точно знаю, что пока моё служение не прервано, ничего не смогу ей дать. Чтобы быть с ней, нужно отречься от сана, от всего, к чему я стремился, чего достиг, в чём видел своё предназначение. Но жить без неё не смогу. Однажды я уже поступил так, вот, результат – «а воз и ныне там». Мне нужен мудрый совет, нужна исповедь, чтобы услышать голос Бога.

Закрыв окна, включив отопление, я поехал забирать Наташу. К тому времени она уже собрала несколько больших чемоданов, ещё нужно было перевезти детскую кровать, коляску и кое-какие вещи. Уезжая, ключи она отдала соседке с просьбой передать их бывшему мужу при встрече. Всё происходило в спешке, Наташа очень боялась, что Виктор в любой момент может вернуться и не отдать ей ребёнка.

Лишь войдя в наш дом, она вздохнула с облегчением.

– Здесь всё, как много лет назад, Боже мой! Как будто время остановилось.

– Да. Мама всегда любила, чтобы у каждой вещи было своё место. Но теперь это – твоё, и ты можешь переставить всё по своему усмотрению, как посчитаешь нужным. Это ж не музей! – я улыбнулся. – Конечно, здесь не так уж комфортно, но всё же, есть самое необходимое на первое время.

Опустив чемоданы, я посмотрел на восхищённое лицо Наташи, даже не поняв, почему в ней столько радости. По сравнению с квартирой, где она жила, всё здесь казалось столь бедным и скромным.

– Что ты говоришь, Эрик?! Ты даже не понимаешь, как дорога мне сама атмосфера этого дома! Неужели ты так ничего и не понял, святой отец?! – на последних словах опять звучала ирония, что вызвало у меня невольную улыбку.

Провёл экскурсию по всем комнатам, показал Наташе, где лежит бельё, посуда, необходимые в быту вещи, объяснил, как включается отопление, где можно перекрыть воду и электричество.

– Выбирай, куда ставить кровать?

– Может быть, в спальне твоей мамы, если это удобно?..

– Не робей, думаю, что это правильно, там тепло и спокойно. Мама умерла не здесь, так что, ничего не бойся.

– Я и не боюсь. Здесь могут быть, разве что, ангелы.

– Мама была бы счастлива! Ей хотелось, чтобы когда-нибудь в этом доме зазвучали детские голоса.

Наташины глаза наполнились слезами:

– Спасибо!..

– Ну, а твои вещи, ко мне? – мы встретились взглядом, всё это происходило словно во сне и бредило сердца нам обоим.

– Эрик, ты хорошо подумал? Ты, действительно, хочешь, чтобы мы остались здесь?!

– Очень хочу! Я перепису на тебя этот дом, как только ты получишь развод, потому что иначе твой муж будет иметь права на него при разделе имущества. А пока ты просто поживёшь у меня. Раздевайтесь, располагайтесь, здесь всё для вас с Эрикой. И, умоляю, перестань стесняться!

Она хотела ещё что-то сказать, но промолчала. День подходил к концу, и нужно было что-то приготовить на ужин.

– Привыкай, обустраивайся, я скоро приеду! Нужно запастись продуктами.

– Я кое что взяла с собой...

– Не волнуйся, скоро приеду.

Наташа попыталась всунуть мне деньги, это было очень трогательно, я даже рассмеялся.

Она смущалась и протестовала, не понимая, как много значит для меня возможность впервые в жизни позаботиться о них!..

Ещё никогда я не получал такой радости от покупок и такого морального удовлетворения. Внезапно всё наполнилось каким-то новым смыслом, исчезло чувство одиночества. И, о Боже, как же приятно вернуться домой, когда в окнах горит свет, зная, что меня там ждёт любимая женщина!

Оставив сумки на кухне, заглянул в комнату, Эрика мирно посапывала в детской кроватке, прикрыл за собой дверь, чтобы не потревожить её сон, тихо постучал в двери другой спальни.

– Вот ты где!

Наташа сидела на кровати, держа в руках наш старый семейный альбом с фотографиями.

– Прости, Эрик, я не удержалась, он лежал сверху вот в той коробке. Всю жизнь мечтала иметь хоть одно твоё фото, но даже на выпускном ты отвернулся, и тебя там почти не видно. А тут такое сокровище!

– Я дарю тебе этот альбом.

– Спасибо! Самый лучший подарок! – она прижала его к груди. – Теперь я смогу всегда любоваться тобой, – она вздохнула так горько, что моё сердце не выдержало. Альбом с грохотом выпал у неё из рук. Наташа хотела его поднять, но я не дал, заключив её в крепкие объятия.

– Не грусти, родная! Я буду приезжать до тех пор, пока ты этого захочешь.

– Я всё понимаю... буду ждать хоть всю жизнь. Мне всё равно нет счастья без тебя, Эрик!

Весь мир внезапно закружился и куда-то поплыл перед глазами. Почувствовав её губы, их манящее тепло и близость, я не смог устоять. Это был мой первый поцелуй в жизни. Не в силах остановиться, мы совершенно потеряли голову. Её руки гладили меня по спине.

Обнимая её, прижимая к себе, я испытывал такой головокружительный жар, что был близок к потере сознания. Кровь закипела как смола на огне. Ещё мгновение, и настала бы точка невозврата.

В этот момент голову сдавило так, что показалось, лопнут сосуды. Я буквально рухнул на колени. Наташа вскрикнула.

– Что с тобой? Господи! Эрик, что случилось?!

Я мотал головой, на какое-то мгновение даже ослепнув. Голос, оживший во мне, говорил:

«Мы приняли твою мольбу. Ответ получишь от епископа. Возвращайся в приход, твоя миссия ещё не завершена». Мне показали отрывки моих недавних снов, где Наташа жила в этом доме, а меня словно не было, он уже почти исполнился; и другого, в котором мы гуляли вместе по парку, пока не началась буря, и Наташа исчезла, ускользая через мои пальцы, как дух.

После этого мне открыли истинную причину смерти моего отца. Тайна, так долго мучившая меня, стала вдруг ясна. Его забрали, чтобы через боль потери открылся мой дар. Отец принес себя в жертву, но ни о чём не жалеет, ведь я приобрёл способность спасать людей. Понял, что если я поступлю неверно, Наташи не станет. Не угроза, а предупреждение, ответ на мои бесконечные вопросы и переживания, предостережение от совершения непоправимой ошибки. Выбор за мной. Милосердный Бог лишь показал варианты возможных поступков и их последствия, увы, неизбежные, так как каждый наш шаг определяет череду событий, следующую за ним. Долгожданный ответ и единственно верное решение таятся в будущей встрече с епископом. Значит, мне позволено обратиться к нему с просьбой о низложении сана, но это не гарантирует моего освобождения, а неподчинение приведёт к катастрофическим для нас событиям...

На всё это понадобилось несколько секунд моего беспамятства, а понял я больше, чем за все прошедшие годы жизни. Мысленно поблагодарил высшие силы, приходя в себя.

Наташа находилась рядом со мной и, стоя на коленях, пыталась привести меня в чувство, по её щекам бежали слёзы.

– Господи, прости меня, грешную! Прости, это я, только я во всём виновата!.. Господи, верни его, пожалуйста, верни! – бормотала она всхлипывая, теребя ворот моей рубашки дрожащими пальцами. – Я клянусь, что никогда больше не... – я зажал ей рот ладонью, не дав договорить спонтанную клятву.

– Тихо, такое со мной бывает. Не нужно бояться. Это всего лишь видения. Она дрожала как осиновый листочек в моих руках.

Силы постепенно возвращались, я смог подняться.

– Видишь, уже всё в порядке, не волнуйся.

– Господи, мне показалось, что ты умираешь! Я вновь прижал её к сердцу.

– Всё хорошо, родная, – и, откашлявшись, спросил, – как думаешь, может нам пора чем-нибудь подкрепиться?

Наташа улыбнулась сквозь слёзы, всё ещё бледная от испуга, я помог ей встать.

– Ничего не бойся! Всё будет хорошо. Просто нам нельзя спешить.

От Эрика 11

Ужин готовили вместе. Любуясь, с каким изяществом Наташа справляется на кухне, помогал ей, как мог: чистил картошку, резал лук. Годы одинокой жизни меня тоже многому научили. От помощницы я отказался сразу, не видя в этом особой нужды. Всё, что я готовил для себя, было элементарно простым: в основном тушёные или жареные овощи, иногда (когда позволяло отсутствие поста), ел мясо или рыбу. Наташа же готовила по-особому, как профессионал, быстро, чётко и безумно аппетитно, аромат стоял такой, что я, то и дело, глотал слюну. Когда лук был измельчён, слёзы покатались по моему лицу, Наташа засмеялась:

– Я думала, ты не умеешь плакать, Эрик! – забрав от меня нож и доску с нарезкой, она смахнула нежным движением капли с моего лица.

Какое счастье находиться во власти этого сна! Иначе я не могу назвать то, что происходит между нами, – самый лучший, светлый, прекрасный из всех моих снов! Лишь предчувствие скорой разлуки тонкой иглой впивалось под рёбра. Мы оба понимали: счёт пошёл на часы, что ещё больше обостряло наши чувства.

Я продумывал, чем могу ей ещё помочь, пока я здесь и есть такая возможность. Она думала о своём, глаза её то наполнялись печалью, с немой мольбой обращаясь ко мне, то вспыхивали восторженной радостью, стоило лишь прикоснуться друг к другу.

Когда ужин был приготовлен, я накрыл стол нашей любимой с мамой скатертью, и словно почувствовал её присутствие рядом.

– У вас есть свечи? – спросила Наташа.

– Возможно. Мама всегда имела запас, потому что молилась при свечах... Сейчас посмотрю, – я заглянул в комод, в котором обычно они хранились, и нашёл целую пачку длинных церковных свечей.

– Давай, зажжём! Я хочу вспомнить твою маму, Надежду Михайловну, и поблагодарить её.

Зажгли свечи, я прочёл молитву. Ощущение маминого присутствия ясно ощущалось в этот вечер. Мысленно обратившись к ней, я попросил помочь Наташе и поддержать её в это нелёгкое время. Ответа не услышал, но тепло материнского прикосновения почувствовал.

– Всё бесподобно вкусно, спасибо!

– Я рада, что понравилось, и тебе спасибо! – Наташа начала собирать со стола тарелки.

– Давай, помогу!.. Кажется, Эрика проснулась, слышишь?

– Я сейчас, уже пора её покормить.

Она улыбнулась мне своей лучезарной улыбкой и убежала к дочке.

«Как же больно будет вновь оторваться от них!..» – ком подкатил к горлу от одной мысли об этом. Я должен уехать, должен узнать, что мне приготовило небо, какая участь ждёт нас всех. И всё исполнить безукоризненно, чтобы не потерять её. Холодный озноб пробежал по телу. Жизнь без Наташи теряла краски и превращалась в серые будни. Конечно, надежда оставалась. Но уже потеряв отца и мать (братьев и сестёр никогда не было), Наташа оставалась единственным близким мне человеком. И я ни за что не подверг бы её жизнь опасности. Важно просто знать, что она есть, где-то живёт на этой Земле, что её сердце бьётся... иначе этот мир совсем опустеет для меня.

Помыл посуду, через пару минут она вернулась с малышкой на руках:

– Не помню, когда Эрика последний раз так долго спала, у твоего дома волшебная аура!

– У нашего... вернее, уже у твоего. Я не хочу, чтобы ты считала себя в гостях, теперь это твой дом, и, давай, больше не будем возвращаться к этой теме.

– Хорошо, хорошо, я скоро привыкну. Меня теперь отсюда плёткой не выгонишь! – она засмеялась. – Только пусть он будет НАШИМ, и ты всегда будешь знать, что тебя здесь ждут!

Мы смотрели друг на друга и не могли оторвать глаз, образовалась пауза, во время которой мучительно хотелось её обнять, прижать к себе, дать волю чувствам, ощутить вновь нежность этих прекрасных губ...

– Завтра утром я уеду.

И снова молчание. Мы о многом не решались сказать вслух, но чувствовали друг друга как-то необыкновенно глубоко.

– Я должен что-то решить.

– Не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным, ты и так сделал для нас очень много, – она пыталась что-то сказать ещё, но слова застревали, глаза стали влажными. Я ощущал эту же боль, нашу общую боль.

– Наташа, я вернусь... Не знаю когда, но вернусь. Для меня это так же важно, как и для тебя, поверь! Даже не представляю, как буду жить дальше! Не знаю, какой приговор ждёт меня, но я обязан ему повиноваться, чтобы не навредить...

Она посмотрела на меня ничего не понимающим взглядом. Что я мог ей объяснить? Что слышал голос, и Он сказал, если я останусь, то потеряю её навсегда?!

– Просто поверь мне! Я сделаю всё, что смогу.

Она заморгала ещё быстрее, пытаясь сдержать набежавшие слёзы.

– Дай мне Эрику, пожалуйста! – я протянул к ней руки.

Она молча передала мне малышку. Я прижал к груди это маленькое улыбчивое сокровище с огромными голубыми глазами, с интересом рассматривающее всё вокруг.

– Посмотри! Ты – не одна! У тебя есть самое главное, самое важное в жизни, и что бы с нами не случилось, тебе есть ради кого жить! Наташа кивнула в знак согласия.

– Иди ко мне!..

Мы сели на диван, я одной рукой держал Эрику, а другой обнимал Наташу, пока моя энергия медленно, как ручеек перетекала в обеих.

– Всё будет хорошо! Не знаю, как, но обязательно будет! – вспомнилась фраза из какого-то фильма.

Наташа начала успокаиваться, легче стало и мне самому. Эрика продолжала разглядывать меня, причмокивая свой маленький кулачок во рту. Такая маленькая и смешная, с хохолчком торчащих во все стороны реденьких волосиков.

– Я бы никуда не уехал, если бы мог, и хочу, чтобы ты это знала!

– Я знаю... – тихим голосом сказала Наташа.

Весь остаток вечера мы провели втроём. Вместе выкупали малышку, для меня это всё было ново и так прекрасно, что каждое мгновение казалось особенным, драгоценным, неповторимым. Хотелось всё запечатлеть в памяти, чтобы потом холодными и одинокими вечерами греться у огня воспоминаний этого безоблачного семейного счастья.

Когда Эрика улеглась, было уже около полуночи.

– Устала? Тяжёлый был день, – я положил руки Наташе на плечи, слегка разминая их.

– Нет! Это был самый счастливый день в моей жизни, Эрик! Проведи со мной эту ночь, пожалуйста. Обещаю держать себя в руках. Просто будь рядом...

– Конечно, я буду рядом.

Мы вошли в мою бывшую спальню, не включая свет, легли на одноместную кровать, в одежде, крепко прижавшись друг к другу. За окном светила Луна – светильник Божьей Матери. Её тусклый свет пробивался через тюлевый занавес, блеклой дорожкой освещая комнату. Затаив дыхание, я целовал её шелковистые волосы, испытывая нежность, которой раньше не ведал.

– Я люблю тебя! – еле слышно прошептали её губы. – Всегда любила, Эрик, но не знала, что это взаимно. Пыталась как-то устроить свою жизнь... Прости меня, если бы я только знала...

– Тогда бы не было Эрики, – я поцеловал её в висок, пытаясь отвлечь от грустных мыслей. – Я надеялся, что ты скоро забудешь обо мне и у тебя в жизни всё будет хорошо, тогда и я смог бы спокойно жить дальше, справляясь со своими чувствами, служить Богу и людям. Ещё можно как-то терпеть собственные страдания, но когда страдает тот, кого ты любишь, это уже совсем невыносимо.

Настенные часы отсчитывали секунды, минута за минутой уходило драгоценное время, оставшееся для нас двоих. Мы тихо переговаривались, но всё же больше молчали, вслушиваясь в дыхание, биение наших сердец, ощущая тепло и близость друг друга. Душа к душе, как одно неразрывное целое. Даже мысли не возникало о чём-то порочном. Окутанные взаимным теплом и нежностью, мы наполнялись покоем и гармонией. Казалось, что я слышу, чувствую, осязаю каждую её мысль, так же как и она мои. Мы буквально переплелись руками и ногами как два дерева, растущие рядом, переплетаются корнями и ветвями. Это моя половинка, и вместе мы – совершенное, гармоничное и очень древнее нечто.

Так хотелось, чтобы эта ночь не кончалась, чтобы остановился бег минут, и день не наступил зловещим рассветом разлуки.

От Эрика 12

Эта ночь пролетела слишком быстро. Бессонная, добрая, тихая, волшебная ночь.

Наступило безжалостное утро. Первые лучи солнца коснулись верхушек деревьев за окном.

– Ты так и не поспал. Как же ты поведёшь машину, Эрик? – Наташа прижалась ко мне ещё сильнее, словно это могло что-то изменить или удержать меня.

– Я остановлюсь, когда устану, и вздремну, не волнуйся за меня! Я не мог потратить эту ночь на сны, слишком дорого каждое мгновение рядом с тобой. Она горько вздохнула.

– Надо вставать. Я уеду, а ты поспишь, пока Эрика не проснётся, отдохни сегодня, поспи вместе с ней.

– Ещё чуть-чуть, ещё минуточку!.. – произнесла она с мольбой и начала осыпать поцелуями моё лицо: щёки, глаза, виски, потом прижалась щекой к щеке.

Мы молча продолжали лежать, только чувство гармонии улетучилось, а вместо него пришла горечь расставания, обжигая всё внутри.

– Я тебя буду ждать! – жарко шептали её губы.

– Я вернусь. Обязательно вернусь! Не знаю когда, но вернусь, – не переставал твердить я, как заклинание.

– Теперь ты не один, помни это, Эрик! И, пожалуйста, береги себя! – молила она.

– А ты держись! – было больно даже говорить, сказать хотелось так много, но получались лишь какие-то обрывки фраз. – Я буду высылать тебе деньги каждый месяц.

– Не беспокойся, я найду работу, всё будет хорошо. Сейчас главное – получить развод, чтобы жить спокойно.

– Вы венчались? – я боялся ещё одного препятствия.

– Слава Богу, нет.

Я вздохнул с облегчением, для меня это был важный вопрос. Хотя бы одной клятвой меньше между нами.

– Будь осторожна с ним, прошу! И прости его, он не со зла всё это вытворяет, Виктору больно и обидно, он страдает.

– Конечно. Это моя вина, я его не осуждаю, просто не могу быть больше ни с кем, кроме тебя.

Я ещё раз её обнял и, собрав все силы, рывком поднялся с кровати.

– Иначе я никогда никуда не уеду!

– Какое бы это было счастье!.. – её голос, любимый, тихий голос звучал как музыка, самая прекрасная для меня.

– Мне пора.

Принял контрастный душ, чтобы взбодриться. Наташа что-то собирала на кухне, хоть я и просил её не вставать, но разве можно переубедить любящую женщину?! До меня доносился аромат свежеприготовленного кофе. Нашёл листок бумаги и написал на нём адрес, а так же все номера моих телефонов, достал из бумажника приготовленные ещё накануне деньги. Из-за опасений, что Наташа откажется их принять, я положил купюры на столик возле телефона, спрятав под запиской.

На столе уже был накрыт завтрак. Наташа выглядела утомлённой, на её бледном лице была видна печать переживаний, эти же чувства испытывал и я. Именно поэтому долгие проходы были тяжелы для нас обоих. Быстро выпив свой кофе, я поблагодарил её. Зашёл попрощаться с малышкой, Эрика ещё спала, прочёл над ней несколько молитв, благословил, осторожно поцеловал её в крошечный лобик.

Мне нужно было уезжать, пока не кончились силы. Обнял Наташу в коридоре, передавая ей энергию спокойствия, всю, до последней «капли», я знал, насколько ей тяжело и хотел помочь, хотя бы на пару часов. Её глаза всё равно наполнились слезами. И мне было больно, невыносимо больно отрывать её от себя, словно собственную плоть, пронизанную венами, нервами, кровью.

На мгновение прикоснулся к её губам, благословил. Она протянула мне сумку с продуктами в дорогу. Поблагодарив, я взял свои вещи и, не оглядываясь, вышел во двор. Сел в машину, завёл мотор и бросил один единственный взгляд в сторону дома. Она стояла в дверях на холодном ветру в тонком свитере и джинсах, зажимая ладонью рот, как будто боясь закричать.

Машина тронулась с места. Стало трудно даже дышать. Чувство такое, что меня разорвало на части. Я быстро гнал машину, чтобы отвлечься, но душа кровоточила как сплошная открытая рана, даже усталость не притупляла жгучую боль. Я то и дело смахивал предательские капли с лица, ничего не в силах изменить и исправить.

Так начинался новый этап моей жизни. Жизни, в которой я, по-прежнему, был один, но больше не одинок.

Часть 3

Наташа 1

Эрик уехал. Закрыв дверь, я вернулась в нашу комнату, легла в ещё неостывшую кровать, зарылась лицом в его подушку, ощущая всеми фибрами души запах любимого. Он всегда имел на меня какое-то магическое воздействие... Погрузилась в воспоминания. Ощущение времени исчезло, будто его и нет вовсе. Даже стрелки часов, кажется, остановились.

Разбудил громкий плач Эрики. Вскочила, ничего не соображая, бросилась к ней. Она, видимо, давно уже плакала, потому что всё личико покрылось красными пятнами.

– Девочка моя, иди к маме! Прости меня! – я взяла её на руки и прижала к себе, она тут же начала искать грудь. – Проголодалась, солнышко! Сколько же времени сейчас?

Часы показывали полдень. «Не может быть,» – подумала я, – у этого дома необыкновенная аура, волшебная, моя детка никогда ещё так долго не спала.

Поглаживая дочь, я машинально покачивалась как кукла неваляшка, успокаивая то ли её, то ли себя. Вспомнилось, как вчера мы купали малышку в первый раз вместе, как блестели его счастливые глаза, как смеясь, Эрик пеной вымазал себе нос, а потом так смешно чихнул, что это развеселило даже ребёнка... «Стоп! Слишком больно. Не могу. Не буду!» Горло сжало осознание того, что ЕГО больше нет рядом. Он уехал.

«Эрик! Эрик. Эрик... – жизнь моя, боль моя. Ты опять всё перевернул во мне. Я уже почти привыкла, почти смирилась с твоим отсутствием, но ты появился вновь, и как теперь жить?!» Эрика, насытившись, оторвалась от груди и серьёзно, как-то по-взрослому посмотрела мне в глаза, словно, пытаясь понять, что же с мамой происходит.

– Ты права, моя радость, нельзя переживать, иначе молоко станет невкусным! – я поцеловала её в розовые щёчки, положила на кровать, поменяла подгузник.

И вновь нахлынули воспоминания, как он стоял рядом с этой кроваткой и разговаривал с Эрикой, она улыбалась ему беззубым ротиком и произносила звуки ликования, словно с нею рядом стоял настоящий, видимый только ей одной, Ангел. И снова накатились слёзы. Я должна держать себя в руках! Но как? Как это сделать, если сердце в груди болит?

«Нельзя влюбляться в Ангелов! Они неуловимы, и не принадлежат нам. Даже если они рядом, их, всё равно, не удержать. Но как не любить того, кто прекрасней и лучше всех остальных на белом свете?! Вернётся ли Эрик когда-нибудь ещё? Один Бог знает. Не представляю, как дальше жить без него! Этой ночью наши сердца стучали в унисон... А если, вдруг, он решит остаться, сможет ли потом простить меня за то, что я забрала его у Бога, у Церкви, у людей, которым он нужен как воздух, потому что он – истинный священник, рождённый для этой миссии на Земле?!» – голова шла кругом.

Я прикасалась к мебели, к предметам, словно собирая с них пыль, на самом деле, пытаясь проникнуться атмосферой, которую они запечатлели за годы жизни Эрика в этом доме.

«Как жаль, что мне не удалось сдержать данное Вам обещание, Надежда Михайловна!» показалось, или я на самом деле сказала это вслух? – «Этот дом дороже любых сокровищ мира! Ничего здесь не буду менять (хоть Эрик и просил сделать, как будет удобно), сберегу как есть. Мне ничего другого не нужно. Любимый, ты дал мне больше, чем я могла мечтать! Ведь всё здесь – твоё...» Подняла с пола альбом. Вчера Эрик поцеловал меня здесь в первый раз. Дотронувшись до губ кончиками пальцев, я вспоминала этот поцелуй как сказку, как забытё, как райское наслаждение. А потом ему стало плохо, словно от внезапного удара, он скорчился и упал на колени, застыв как статуя...

«Что же происходит там с тобою, за этой невидимой обычным людям чертой, милый?» Разглядывала фотографии, и даже не верилось, что такая драгоценность попала мне в руки, спасибо, Господи! На одной из последних страниц Эрик был уже в сутане с «римским воротничком», видимо, после посвящения в сан. В глубоких, спокойных, мудрых глазах проглядывалось внутреннее страдание, тёмные круги у глаз, как знак вечной борьбы с самим собой. Видно, это была одна из последних фотографий, присланных им маме. Аккуратно вынула её из альбома, на обратной стороне была надпись:

Тебе, моя любимая, с надеждой на прощение, твой сын.

Поцеловала фото и поставила его на самом видном месте. «Теперь я смогу любоваться тобой до конца своих дней!» Обратила внимание на коробки, которые он собрал, но почему-то не увёз с собой, на глаза попала толстая, исписанная до последней страницы, тетрадь. Открыв её, поняла, что это дневник, который Эрик когда-то вёл. Не знаю, имела ли я право на это, но удержаться не смогла, ведь у меня появилась реальная возможность заглянуть в его загадочную душу...

Наташа 2

Дневник Эрика начинался со слов: «Я пишу это, чтобы не сойти с ума, потому что мне не с кем поговорить о том, что со мной происходит.

Папа. Любимый мой отец, если б ты был рядом, помог бы разобраться во всём. Но тебя не стало. После твоей внезапной кончины всё это и началось. Возможно, что от горя, которое нас постигло, в моей душе открылся какой-то канал, чего не было раньше в моей счастливой, беззаботной жизни рядом с тобой.

Теперь я слышу голоса, это голоса уже умерших людей, каждый день ищу среди них твой... но ты далеко. Тебе всегда была известна дорога, куда нужно идти. Ты жил с верой и учил меня верить в лучшее: в Бога, в человеческую доброту, в милосердие, во всё то, что приближает нас к Господу.

Ты не приходишь ко мне. Приходят другие души, как правило, заблудившиеся между мирами, внезапно умершие, покончившие с собой, растерянные, не знающие дороги к свету... Все они просят помощи и молитвы. Почему я? Что я могу им дать? С некоторых пор начал их даже видеть, чувствовать страдания, их боль проходит через меня, я ощущаю их страх и отчаяние, но не ведаю, как им помочь. Это сводит меня с ума. А тебя рядом нет, единственного, кто смог бы понять!.. Папа! Мне так не хватает тебя!

Мама всё время плачет, она слишком сильно любит тебя, и тоскует так, что вряд ли оправится когда-нибудь от этого горя. Я стараюсь её поддерживать как могу, всегда послушен и добр с ней, но мне не заменить тебя и не утешить её скорби. Именно поэтому я ничего не рассказываю ей о моих видениях, чтобы не пугать и не причинять ещё больших страданий. Ты знаешь маму, она затаскает меня по врачам, решив, что от горя я помешался, и в результате всё может закончиться, на самом деле, психиатрической лечебницей.

Единственно, с кем мне удалось открыто поговорить о странных явлениях, происходящих со мной, это с нашим священником, и он объяснил, что Бог дал мне для чего-то этот дар и готовит, видимо, к особой миссии на Земле.

Что это такое, мне пока трудно понять. Я не могу ходить к исповеди каждый день и остаюсь наедине с этими голосами. Это не легко. У меня в голове тысячи вопросов, но ответов на них пока нет. Я прочёл уже много духовной литературы, которую ты так бережно собирал всю жизнь, будто бы зная, что это всё пригодится и когда-нибудь сможет помочь мне. В этих книгах открывается другой мир, но, к сожалению, не всё мне понятно и про таких, как я, там ничего не написано. Приходится постигать происходящее собственным разумом. Чувствую, что во мне появилась какая-то сила, но управлять ею я пока не могу, и она проявляется сама собой в какие-то моменты. Мой мозг похож на радиоприёмник, переполненный волнами разных частот, заглушить которые я не умею, от этого сильно болит голова, становится трудно сосредоточиться на учёбе. Приходится помногу раз перечитывать заданные тексты, чтобы хоть что-то запомнить, а ведь раньше мне не составляло труда что-то выучить даже наизусть...

Каким-то образом надо продолжать жить.

Я совершенно отстранился от сверстников, потому что моя жизнь полностью отличается от их жизни, как день от ночи. Мне даже не о чем с ними разговаривать! Чувствую себя инопланетянином, не принадлежащим этому миру, по какой-то трагической случайности, оставшимся среди людей. Глупо искать поддержки и понимания там, где их быть не может. Некому даже рассказать о том, чего никто, кроме меня, не видит.

Мама решила, что нам надо обязательно переехать, потому что ей всё здесь напоминает о тебе. Она хочет вернуться в город своего детства и начать жизнь с начала. Не знаю, поможет ли нам это, но, мне кажется, навряд ли. И, всё же, нужно попытаться, поэтому я согласился ради неё. Дом придётся продать, его уже посмотрели несколько покупателей. Мне не хочется

уезжать, мы были очень счастливы здесь, с тобой... Благодарю тебя за моё счастливое детство, папа! Как жаль, что ничего уже не вернуть.

Ну вот, мама всё решила сама и даже присмотрела для нас какой-то небольшой трёх-комнатный домик. Это хоть как-то отвлекает её от вечных слёз, мы начали собирать коробки и готовиться к переезду. Это трудный и болезненный процесс, особенно, избавление от твоих вещей. Мама отдаёт их малоимущим и в благотворительные организации, говорит, что таким образом поминает твою светлую душу.

Мне придётся оставить всё, что я знал и любил с самого детства. Придётся проститься с нашим городом. Знаю, однажды мы все покинем этот мир и было бы эгоистично прирастать к чему-то и малодушничать в таких вопросах. Пора научиться смотреть на жизнь другими глазами и воспринимать иначе. Я очень стараюсь, видит Бог. Много молюсь о тебе и всё ещё надеюсь... но ты совсем не слышишь меня».

Следующая запись начиналась уже спустя пару месяцев: «Вот и всё. Мы переехали. Наш дом продан, куплен другой, в два раза меньше прежнего. Много ли нужно для двоих? Теперь я пойду в новую школу, где я никого не знаю.

Мама стала меньше плакать, а если плачет, то по ночам, когда я этого не вижу. Заметно это утром, по её опухшим от слёз глазам.

Не могу сказать, что я в восторге от всех этих перемен, но надо принимать всё как есть и поддерживать маму.

В новом классе приняли «тепло», я бы сказал, даже «жарко». Ну, да Бог с ними. Я всё равно сам по себе, и чем меньше будут обращать внимания, тем легче.

Есть девочка, которая не сводит с меня глаз, хоть и украдкой. Усиленно делаю вид, что не замечаю её, хотя, на самом деле, что-то происходит в сердце каждый раз, когда я ощущаю на себе её мечтательный взгляд. Гоню от себя мысли о ней, всё равно мне не стать таким, как другие, не бегать с нею на танцы, не гулять под Луной, не целоваться в подъездах...

Недавно познакомился со священником, служащим в местной Церкви возле графского замка, его зовут Донат. Он довольно молодой, лет тридцати пяти, сказал мне важную вещь после исповеди, мол, единственное, что я могу сделать со своим даром, это – научиться им управлять, чтобы помогать людям, пойти в священники и посвятить свою жизнь Богу.

Кажется, он прав. Если удастся, смогу сделать много полезного и для душ потерянных и заблудших. Так появляется смысл всего происходящего».

Мои глаза наполнились слезами. «Бедный мой, через какие испытания Бог привёл тебя к такому решению, как много тебе пришлось выстрадать и пережить. Ты всё сделал правильно. И вот теперь та самая девочка поставила тебя вновь перед выбором, самым сложным в твоей уже состоявшейся жизни. Что же мы будем делать со всем этим, Господи?..».

Я отложила тетрадь, вытерла слёзы и пошла проверить своё сокровище. Эрика сладко спит. Надо что-то поесть, силы совсем на исходе. В холодильнике остатки вчерашнего ужина, который мы приготовили вместе. Разогрела. Со слезами удалось что-то проглотить. Мысли о том, что я вторглась в Божий промысел, не дают мне покоя. Моя любовь разрушает его планы. Если Эрик решит остаться со мной, сколько человеческих жизней и душ потеряют его бесценную помощь?! Но и отказаться от него – выше моих сил. Знаю только одно, что пойму его, если он решит продолжить свою миссию и больше никогда не вернётся.

«Эрик! Любимый мой, светлый мой, как же я могу помочь тебе? В тебе вся моя жизнь. Если бы я умерла, не нужно было бы выбирать между мной и Богом! Зачем я вообще родилась на этот свет, если приношу всем только боль и страдания?.. Но теперь на моих руках дочь, которую ты мне вернул, исцелив своими волшебными силами, и я ей очень нужна. Как же отпустить тебя? Как освободить от этой муки? Вижу, чувствую, как сильно ты страдаешь, какую боль испытываешь в борьбе с самим собой. Как же нам жить со всем этим? Не нахожу ответа. Если бы меня не было вовсе, твоя душа не знала бы того, что лишает её покоя. Моя жизнь, что

она, по-сравнению с тем, что ты делаешь? Ничтожный каприз природы! И как бы сильно я тебя не любила, разве это сопоставимо с тем, что даровал тебе Господь?» – испытывая муки совести, я презирала саму себя за то, что собственными руками обрубала Ангелу крылья, мощные, сильные, прекрасные... Мне захотелось позвонить ему и уговорить отказаться, оставить в прошлом нашу любовь, чтобы спокойно жить дальше, исполняя своё предназначение без сомнений, без вечной борьбы. «Я проживу одна, с мыслями о тебе, любимый, выращу дочь и научусь любить Бога так же как ты, справлюсь с собой и буду сильной!» Почти бессознательно подошла к телефону, возле него лежала какая-то записка, написанная знакомым почерком, я подняла её, и на пол посыпались денежные купюры.

«Любимая, боюсь, что ты не примешь от меня денег, но знаю, что тебе необходима помощь. Пожалуйста, береги себя! Эти два дня, проведенные рядом с тобой, – самые лучшие в моей жизни. Я счастлив, что вы с Эрикой теперь есть у меня, и, больше всего на свете, хочу быть рядом с вами...» Ниже был написан адрес и номера его телефонов: домашний и, даже, церковно-приходской. Я больше не могла терпеть эту боль. Упав на кровать и зарывшись лицом в подушку, разрыдалась так, как давно уже не плакала, выплеснув весь остаток боли, до последних сил, я провалилась в тяжёлое забытие.

Наташа 3

Очнувшись от гугуканий Эрики, я встала, привела себя в порядок и занялась насущными делами, отложив на потом самобичевание. Голова гудела от недосыпания и обрывков собственных мыслей и чувств. Иногда представлялось, как он там, в машине, после бессонной ночи, и я безмолвно молила Бога сохранить того, кто верен Ему всей душой.

Весь вечер я посвятила дочери, с упоением наблюдая за тем, как растёт и меняется моя малышка не по дням, а по часам, как она смеётся и хохочет, когда я с ней заигрываю. Моя деточка, моё богатство, смысл моего существования. Ради неё я готова жить, несмотря ни на что.

Правильно Эрик тогда сказал: «Посмотри!.. Ты – не одна! У тебя есть самое главное, самое важное в жизни, и, что бы с нами не случилось, тебе есть ради кого жить!» – я запомнила эти слова, они помогают мне.

Вообще, он ничего лишнего никогда не говорит, а всё, что сказано, сбывается, словно Эрик всегда на пару шагов вперёд знает, что будет дальше, человек от Бога, тот, кто обладает фантастическими для меня способностями. Даже не могу найти подходящих слов. Он живёт в Боге или Бог в нём?.. Всё, к чему Эрик прикасается, оживает и становится прекраснее прежнего, согретое его светом и теплом. Так и моя душа от встречи с ним воскресла, потому что до этого, словно и не жила.

После купания Эрика блаженно заснула на моих руках, вдоволь пососав молока. Отнесла её в комнату, укрыла одеялом, поцеловала, ещё раз убедившись, что мой маленький ангел крепко спит.

Пришло время вновь углубиться в мои исследования жизни и души любимого человека. Забравшись с ногами на диван, я вначале долго не сводила глаз с его фотографии, пытаюсь понять, что испытывал Эрик в этот момент, но я не обладала дарами свыше, лишь сердце никогда не обманывало, оставаясь моим ориентиром и компасом по жизни. Сейчас оно, надорванное разлукой, болело, будто от меня отрезали часть души и тела. Слава Богу, что оставались целебные записи Эрика и множество его вещей и фотографий, каждая из которых хранила в себе его образ и помогала мне хотя бы мысленно приближаться к нему. Я нашла то место, где остановилась прошлый раз, и начала читать дальше:

«Сегодня я познакомился с Душой, обитающей в парке возле графского замка, среди его развалин. Интересный случай, непохожий на все остальные: душа прикована к этому месту и несёт свою расплату за совершённое ею в этих местах самоубийство. Она оставалась в мире людей, но в полном одиночестве больше сотни лет, и я стал первым, кто смог её услышать... Душа при жизни принадлежала некоему гусару по имени Йозеф Карницкий, у которого был страстный роман с дочерью местного графа, являвшегося владельцем этих некогда прекрасных мест и угодий. Гусар же был из обедневших польских дворян и нёс свою службу в этой провинции.

Планы отца о будущем дочери, понятно, в корне отличались от намерений двух любящих сердец. Узнав о чувствах своего чада, граф Платер пришёл в ярость и запретил молодому человеку появляться в их доме, а так же где бы то ни было искать встреч с его дочерью.

Так или иначе, влюблённые всё же находили возможность встречаться друг с другом тайно, в основном по ночам. В одну из таких встреч они поняли, что жить больше друг без друга не в силах и решили умереть вместе, чтобы не разлучаться больше никогда. Графская дочь (имени я её, к сожалению, пока не знаю, а спрашивать как-то неудобно) пообещала возлюбленному в последний раз поговорить с отцом и, в случае его отказа, выйти на балкон с одной зажжённой свечой, что послужит сигналом о том, что попытка не удалась. После чего, по уговору, он застрелится, а она выпрыгнет с балкона своей спальни, находившейся на верх-

нем этаже замка. В случае, если отец смилостивится, девушка должна была появиться с тремя зажжёнными свечами. В назначенное время Йозеф, прячась в тени деревьев, ожидал появления своей возлюбленной. После шумного выяснения отношений с отцом, несчастная девушка вышла на балкон с рыданиями и одной-единственной свечой.

Прогремел выстрел. Служанка графини, заметив что-то недоброе в поведении молодой хозяйки, позвала на помощь и удержала её от попытки свести счёты с жизнью. После этого убитую горем влюблённую днём и ночью охраняли и, даже, перевезли в другой замок, более удалённый, недоступный для глаз людских, где она никак не могла осуществить задуманное. Говорят, что она морила себя голодом и, несмотря на все усилия родителей, умерла через несколько лет по причине истощения, заболев какой-то тяжёлой болезнью. Гусар сказал, что Бог принял её как мученицу.

Он же остаётся здесь и не знает, когда закончится его наказание, смиренно терпя своё заточение, наблюдая, как всё, что он когда-то знал и любил, разрушается на его глазах.

Прах Йозефа был вывезен родными на Родину в Польшу, а на том месте, где влюблённый покончил с собой, стоит небольшой памятник, посвященный беззаветной любви и преданности. Туда по сей день приезжают молодожёны и приносят цветы, обещая быть верными друг другу до конца жизни. Эта история популярна и известна в городе как повесть о Ромео и Джульетте местного значения.

Мало кто догадывается о том, что влюблённые до сих пор не вместе, и несчастная душа Йозефа так и не нашла пристанища и успокоения, потому что самоубийство – тяжкий грех и несёт за собой самые страшные последствия...

Эта душа ни о чём меня не просила, в отличие от других. Она просто нуждалась в общении и пыталась быть услышанной, и так уж вышло, что услышал её именно я. Мне легко общаться с ней, достаточно зайти в парк и прислушаться. Голос Гусара так близок, что я делаю это безо всякого труда и напряжения.

Надеюсь, что эта встреча поможет мне многое понять и найти ответы на волнующие вопросы, а ему даст возможность общения, которого она была лишена так долго.

Таким образом, Бог послал нас друг другу, проявив своё всеильное милосердие и любовь. Спасибо Господу за это!»

Я не стала читать дальше, чтобы как следует обдумать только что прочитанное и понять, какой крест несёт на своих плечах Эрик, без возможности быть кем-то понятым и услышанным, как та самая душа гусара Йозефа Карницкого, заточённая в графском парке...

Наташа 4

Утром меня разбудил звонок. Вскочив с кровати, я бросилась к телефону.

– Привет! – этот голос я бы не спутала ни с кем и никогда.

– Эрик! Какое счастье, что ты позвонил! – я набрала воздух в лёгкие, стало трудно дышать.

– Я на месте, всё хорошо. Решил сообщить, чтобы ты не волновалась, – его голос звучал устало.

– Как всё прошло в дороге?

– Нормально, – бесцветным голосом ответил он, – как вы там?

– Мне нужно тебе признаться... – было трудно сказать, – я нашла твой дневник. Он на мгновение замолчал, словно взвешивая все «за» и «против»:

– Может, это и к лучшему. Так ты узнаешь всё, о чём я не решаюсь говорить, – тяжёлый вздох последовал за этим. – У меня не должно быть секретов от тебя.

– Спасибо! Я очень благодарна тебе! И за помощь... но не стоило.

– Стоило! – Эрик, как всегда, улавливает мои мысли быстрее, чем я успеваю их произнести вслух. – Я знаю, что ты сейчас в затруднительном положении, а найти работу с таким маленьким ребёнком будет нелегко. Буду помогать тебе, пока всё не наладится! – это звучало как приказ, который, как известно, не обсуждается.

– Я не знаю, как тебя благодарить...

– Береги себя! Это самая большая благодарность для меня: знать, что у вас с Эрикой всё хорошо, – его голос стал таким нежным и глубоким, как будто он прикоснулся ко мне.

– Сегодня же буду звонить епископу, попрошу встречи с ним. Потом решим, что делать дальше, – на этих словах он будто осёкся.

– Я люблю тебя и хочу, чтобы ты знал, я приму любое твоё решение. Ты не должен ломать свою жизнь только из-за того, что в ней появились мы, – я проглотила ком, подступивший к горлу, сдерживая свою боль.

– Я сделаю всё, что смогу.

Мы замолчали. Сказать хотелось так много, но эти самые слова не произносились вслух и застревали в горле.

– Люблю тебя больше жизни. Я не смогу жить без вас, – он сказал это полусшёпотом, тихо и горько. – Всё наладится! Не знаю как, но что-нибудь придумаю!..

– Я буду ждать. Мне кроме тебя никто не нужен, но прошу, подумай хорошо, сможешь ли ты жить по-другому? Это – твоё призвание, твоя жизнь, я не хочу ломать всё, чего ты достиг за эти годы! Ты нужен не только мне. Эрик, ты помогаешь людям так, как никто другой не сможет.

– Должен же быть какой-то выход из всего этого. Его не может не быть! – почти простонал он. Мы опять замолчали, но это молчание не было пустым, наши души переплетались тысячами дрожащих пламенных нитей, и даже просто слышать его дыхание было счастьем для меня.

– Ты только звони, когда сможешь, я сама не решусь тебя потревожить, не зная, где ты и как проходит твой день.

– Да, конечно, только не волнуйся! Я больше никуда не исчезну. Даже если умру, всё равно, буду рядом.

– Только не это, умоляю! – от одной мысли, что это может произойти, меня бросило в ледяной озноб.

– Я и не тороплюсь. У меня ещё много дел, ты знаешь. Только обещай, что будешь осторожна, будешь беречь себя! – в его голосе звучали нотки волнения.

– Ты чего-то боишься? Что-то должно случиться? – меня насторожили последние фразы.

– Нет, – сказал он после короткой паузы, – надеюсь, что нет. Просто, будь повнимательней, умоляю!

– Да, обещаю. Всё будет со мной хорошо. Я теперь в твоём доме, окружённая твоей любовью. Что может произойти?

Он не ответил, но я ощущала на расстоянии его тревогу.

– Прости, я должен идти. Береги себя, любимая! Да хранит вас Господь!

– И тебя! До встречи! – в трубке зазвучали гудки.

Ниточка оборвалась, но только не та, что пылала в моём сердце, соединяя нас на разных концах земли.

Я долго думала о его словах, с трудом понимая их смысл и значение. Мне что-то угрожает и Эрик это почувствовал? А если и так, то почему не сказал, что именно?

Собрав дочурку, мы вышли на прогулку, и я направилась с коляской в парк, тот самый, возле нашей старой школы, где Эрик встречался когда-то с Гусаром.

Погода стояла ясная, снег почти растаял. Лёгкая морозная свежесть искрилась в воздухе, мерцала на оголённых ветках деревьев, лёгким, еле заметным инеем после ночного похолодания.

Эрика, раздумывавшаяся на холоде, тихо посапывала в коляске, иногда улыбаясь во сне. Шуршали остатки листьев под ногами и колёсами. В парке было безлюдно, я прошла по тропинке, ведущей к музею, так болезненно вспоминаяшемуся мне, мимо дверей кочегарки, в которой работал Эрик. В памяти ожили воспоминания.

«Если бы я тогда не отступила, а продолжала бороться за него, может быть, наша жизнь сложилась бы по-другому? Но я не знала о его чувствах и, посчитав себя ненужной, ушла в тень, дала ему возможность реализовать свои планы. А теперь вновь становлюсь причиной разрушения всего, что он создал с таким трудом...» – эти размышления давались мне тяжело.

Обойдя здание, приблизилась к замку. Там шли какие-то вялотекущие реставрационные работы, по перекрытию крыши и застеклению окон на верхних этажах. Газоны стали подстригать, понемногу облагораживая парк.

Говорят, потомки этого графского рода несколько раз приезжали сюда сразу же после распада Союза. Наследникам вернули права на собственность, но то, что разрушалось в течении семидесяти лет, требовало огромных капиталовложений для реставрации, которых, видимо, ни у кого не нашлось в достаточных размерах.

Я впервые посмотрела на замок другими глазами, на обветшавший балкон третьего этажа. Представила, как это могло когда-то быть... Молодого гусара, ожидающего судьбоносное решение с заряженным пистолетом в руках, юную графиню со свечой, дрожащей на ветру. Страшная история, особенно, если знаешь, чем она закончилась.

Сколько бы я ни вслушивалась, сколько бы не напрягала свои глаза, мне не дано было увидеть и услышать хоть что-то, кроме лёгкого шелеста ветвей на ветру, редких переключек птиц между собой и шуршания, издаваемого коляской, в которой я везла Эрику по посыпанным гравием дорожкам. В тёмных окнах замка отражалась лишь зловещая пустота забвения, будто за ними находился другой, неизвестный и пугающий мир прошлого...

Туевую вечнозелёную аллею, которую мы помнили со школьных лет, спилили, чтобы открыть вид на замок, но без неё он казался осиротевшим и каким-то совсем беззащитным в своей неприкрытой наготе.

Что я здесь искала? Обрывки прошлого, голос души, которую слышал Эрик, или его самого? Ощувив лишь холод одиночества, я направилась к дому, туда, где всё мне было дорого, где незримо жила его любовь, хранились фотографии и дневники любимого, всё, к чему ещё несколько дней назад прикасались его руки... Я возвращалась домой.

Наташа 5

Дневник Эрика открывал новый удивительный мир.

«После школы все обычно торопятся домой, и только я, как бездомный, блуждаю по парку снова и снова.

В сегодняшней беседе с Гусаром я сделал очень важное открытие. Кажется, я всегда где-то подсознательно знал, что жизнь души не ограничивается одним рождением и смертью. Иначе, какой был бы смысл создать одного богатым, талантливым, любимым, а другого лишить всего и сразу, а то и сделать калекой, обречённым на пожизненное страдание? Если бы это было так, то почему нам говорят, что Бог любит всех одинаково, где же тогда смысл всего происходящего, который все пытаются найти?!

Вот, если взять во внимание многообразие жизни, то всё обретает смысл и значение: что заработал, то и получи.

Конечно, не всё так просто. Если учесть, что жизнь – это школа, созданная для духовного роста и воспитания духа, то возможен и другой вариант: душа, находящаяся на высокой стадии развития, может добровольно возложить на себя лишения и страдания ради того, чтобы понять, прочувствовать и заслужить то, чего ей не хватает.

Путь Иисуса – путь самопожертвования, достижения высшей степени любви и милосердия. Бог показал нам его, придя на Землю в человеческом образе. Есть над чем подумать и что осознать...

Возникает вопрос: почему же стирается память предыдущих воплощений, заставляя нас вновь и вновь достигать прежнего уровня, теряя на это, по крайней мере, лет двадцать, а то и тридцать своего существования? Ответ Гусара прост: «Ни одна человеческая сущность не смогла бы выдержать груз всех своих ошибок и грехов, совершённых за многие века. Ни одно человеческое сердце и разум не выдержали бы такого пресса и тяжести. Отсюда же к нам приходит таинство покаяния с помощью исповеди, освобождающее нас от грехов, омывающее души Кровью воплощённого Бога через Страдания и Смерть искупившего наши злодеяния. Божественная любовь помогает нам, чтобы мы могли идти дальше, познавая мир и самих себя в поиске истины.

Я спросил его: «Почему же в Библии ничего не сказано о перевоплощении?» На что Гусар ответил: «Это знание было дано, но люди решили по-своему и изъяли эти главы, осталось лишь несколько фраз, по которым ещё можно понять, что во времена Иисуса это было само собой разумеющееся. Возьмём, к примеру, место, где Иисус исцеляет рождённого слепым, и ученики Его спрашивают: «Учитель, кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Вдумайся, как мог он родиться слепым за грехи свои, если не жил раньше?» Чуть позже я нашёл это место в Библии (Евангелие от Иоанна. Глава 9:1—41). Или вот ещё этот момент: «И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить всё; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе. (от Матфея Глава 17:10—13) Мы много беседуем о соединении души и тела, о том, как она входит и покидает его. Эти встречи открывают мне глаза на многие вопросы, которые заняли бы много времени и сил, чтобы ответить на них самому.

Ещё Гусар поведал, что его посетили и позволили общаться со мной, пообещав, что если он поможет мне, то приблизит своё освобождение. Иными словами, меня тоже к чему-то готовят... Итак, у меня появился Учитель, находящийся между небом и землёй, дающий мне бесценные по своей значимости знания.

Я буду молиться за тебя, Йозеф Карницкий, до конца моих дней».

По мне пробежал озноб. Вспомнила себя в пятнадцать-шестнадцать лет, даже в свои двадцать шесть я никогда всерьёз не задумывалась о таких вещах.

Теперь становилось понятно, что он так тщательно от всех скрывал, о чём думал в уединении. Меня как магнит притягивала эта тайна и не давала покоя. И вот сейчас я сижу на его кровати в этом благословенном доме и без всяких усилий читаю книгу жизни, выстраданную любимым человеком. Мне остаётся просто поверить во всё, что он собирал по крупицам! От этих мыслей стало не по себе. Имею ли я право прикоснуться к сокровенным знаниям этого человека?

Наташа 6

Понедельник, как известно, день тяжёлый. Встав пораньше и собрав дочку, я отправилась на запланированную встречу с адвокатом. От дома Эрика до центра было совсем близко, минут десять ходьбы, и я решила совместить полезное с приятным. Стояла солнечная, почти безветренная погода, чуть подмораживало с утра, приятно и свежо.

Больше всего на свете хотелось как можно быстрее освободиться от пут несчастливой браки. Слово «брак» тут было не лишним. Это была ошибка, которую теперь необходимо исправить. После возвращения в мою жизнь Эрика сердце очнулось от долгого сна, с ним не поспорить, его нельзя ослушаться, всё стало предельно ясно. Но бывший супруг никак не может успокоиться и принять моё решение. Как его переубедить? Где найти нужные слова и аргументы?

Адвокат посоветовал ещё раз поговорить с ним. Без обоюдного согласия дело может затянуться на годы, ведь у нас маленький ребёнок. Больше всего тревожит мысль, что он может отобрать у меня Эрику. Необходимо срочно найти работу, чтобы в суде не могли придаться к тому, что у меня недостаточно средств к существованию в отличие от хорошо обеспеченного отца. Теперь у нас появилось жильё, бессрочная аренда дома, так предусмотрительно составленная у нотариуса Эриком. Это большой плюс. Не нужно делить квартиру, возможно, это как-то поможет договориться с бывшим мужем.

Получив консультацию у юриста, я отправилась к Виктору, чтобы забрать свои документы (в том, что я уволена, сомнений не возникало). Хотя, по закону, имею полное право до трёхлетнего возраста дочери находиться дома с пособием по уходу за ребёнком. Но скандалить, понимая, какую боль я причинила этому человеку, не хочется.

В редакции коллеги встретили по-разному, кто-то поприветствовал меня с дружелюбной улыбкой, кто-то с ехидной. Так или иначе, все уже были в курсе и промывали эту новость журналистски, со вкусом... Малоприятное ощущение, смею заверить, но ради Эрика я готова терпеть и худшее. Секретарша с видом победительницы окатила меня взглядом презрения с головы до ног и обратно. Я давно подозревала, что она равнодушна к своему шефу.

– Сообщите Виктору Анатольевичу, что я здесь, – выдержав паузу и её наглый взгляд, спокойно сказала я.

Эрика заёрзала на руках, рассматривая незнакомое помещение и ярко выкрашенную тетю. Эльвира демонстративно нажала на кнопку, полюбовавшись своим ярко-красным маникюром, и медовым голосом сообщила:

– Виктор Анатольевич, простите, что беспокою, к вам бывшая жена с дочерью пожаловали. Он ей ничего не ответил, выскочил мне навстречу и открыл дверь, пропуская в свой кабинет.

– Наташа! Где же ты пропадала? Я чуть с ума не сошёл! Куда вы обе подевались? встревоженный голос, – Эрика, деточка моя, привет! – он потянул к ней руки, меня насторожила такая перемена в его поведении.

Я передала ему дочь, внутренне сжимаясь от страха, что могу не получить её обратно.

– Боже, я так соскучился! – Виктор прижал к себе малышку и расцеловал её личико, Эрика что-то прогугкала в ответ.

– Странно... – задумчиво протянула я, – ещё совсем недавно слышала от тебя другие слова, не столь любезные: «Убирайся отсюда!..».

– Прости меня, я был чертовски пьян и не соображал, что делаю, а тут ещё этот твой одноклассничек нарисовался. Прости, пожалуйста, такое больше никогда не повторится, обещаю тебе! – он с мольбой посмотрел мне в глаза. – Последнее время я совершаю одни ошибки и делаю всё не так, но лишь потому, что люблю тебя и не знаю, что делать, как вернуть вас... –

тяжёлый вздох, глаза стали влажные. – Я ничего не понимаю! Неужели, я был тебе таким плохим мужем?! Мало заботился о тебе или не уважал? В чём моя вина, скажи?! Я имею в виду то время, когда всё было ещё нормально... – он виновато опустил глаза. – Объясни мне, хоть раз, внятно, почему ты отвернулась от меня? У тебя затяжная послеродовая депрессия или что?.. Я ничего не понимаю! Что вдруг случилось между нами? Ты превратилась в ледяную глыбу и не подпускала меня к себе близко, а потом, когда я сорвался, подала на развод! Наташа, я ведь люблю тебя! Люблю нашу дочь! Что же ты творишь, объясни мне?! – он уже почти кричал, лицо покраснело, жилки вздулись на шее. – Скажи мне, что не так? Я всё исправлю... Я уже бросил пить, больше это не повторится!

Только вернись домой, умоляю тебя, мы всё начнём сначала, с чистого листа! – он схватил мою руку и начал её осыпать поцелуями.

Стало невыносимо больно и горько видеть его таким, осознавать, какие страдания я причиняю этому не чужому мне человеку. Я попыталась отстраниться, освобождая руку от его прикосновений.

– Прости, Витя, прости меня! Это я во всём виновата. Ты здесь ни при чём. Я поступила ужасно с самого начала, когда согласилась выйти за тебя. Ты – замечательный, очень хороший, но я всегда любила другого человека. Мы расстались много лет назад и не встречались. У меня не было ни малейшей надежды, что когда-нибудь он вернётся, – я с трудом перевела дыхание, – но он появился, и я поняла, что люблю его больше жизни, ещё сильнее, чем прежде. Поняла, что больше не могу обманывать себя, тебя, его. Не могу притворяться счастливой и принадлежать кому бы то ни было кроме него.

Он опустился на стул, побледневший, осунувшийся, и чуть не выронил Эрику из рук, я забрала малышку, с замиранием сердца ожидая, что будет дальше. Виктор отвернулся и опустил голову. Он с минуту молчал, затем вскочил, заметался по кабинету. В глазах его был нездоровый блеск:

– Конечно, это многое объясняет... Значит, ты ушла к другому?!

– Да.

– И теперь счастлива с ним? Я промолчала.

– Кто это? Я могу знать?

Я проглотила ком, подступивший к горлу. Я не могла этого сделать, не могла запятнать это имя, подвергнуть риску, ни на минуту не забывая, кто мой муж и что он может напечатать в своём журнале, чтобы растоптать репутацию Эрика, сломать ему жизнь.

– Нет! Я не скажу тебе. Это неважно, важно то, что я больше не вернусь, и это решено окончательно.

– Важно, ещё как важно! – заорал он. – Уж не тот ли это святоша, что встретил меня на лестнице?

Я отрицательно помотала головой.

– Он просто помог, он здесь ни при чём, не трогай его.

– Я всё равно раскопаю, ты меня знаешь! И давно это у вас?.. Ты изменяла мне? Эрика моя дочь?

– Виктор, ты должен успокоиться, иначе я уйду и ты больше нас никогда не увидишь! Нет, я никогда не изменяла тебе. И Эрика твоя дочь, можешь проверить! Я по-честному подала на развод, как только поняла, что не могу жить иначе.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь придти в себя. Я видела, с каким трудом ему это давалось, и в душе скорбела за боль, что причиняла ему, но ничего не могла с этим поделать.

– Прости! Я постараюсь держать себя в руках. Не уходи, Наташа! Ты мне нужна. Я всё прошу, только вернись, пожалуйста, любимая... – он грохнулся на колени, и крепко обнял мои ноги.

– Что ты делаешь? С ума сошёл, немедленно встань! Я прошу! Умоляю! Это всё бесполезно, Витя. Витя, отпусти меня! – из глаз брызнули слёзы и покатались по лицу.

«Да провалиться мне сквозь землю! – пронеслось в голове. – Я приношу только боль и страдания самым близким и дорогим мне людям!» Эрика заплакала. Мы оба опомнились, переключив внимание на неё. Виктор отпустил меня и поднялся с колен.

– Прости меня, девочка моя, и ты, Наташа, прости, я просто не знаю, как жить дальше без вас.

– Надо просто жить. Всё проходит... Пройдёт и это.

Мы замолчали, я укачивала Эрику на руках, поглаживая её расстроенное личико.

– Наверное, ты права. Нельзя заставить кого-то полюбить. Я всегда чувствовал, что в тебе нет огня, но искренне верил, что смогу разжечь его своей любовью, что её хватит на двоих, но это не так... – он говорил, словно размышляя вслух с самим собой, даже не смотря в мою сторону. – Хорошо, будь по-твоему, – Виктор горько вздохнул, – живи, как знаешь, только не лишай меня дочери! Позволь, хоть иногда, навещать Эрику.

– Да, конечно. Ты отдашь мне мои документы?

– Зачем?

– Я же уволена. Мне нужно найти другую работу.

– Глупости! Это я сгоряча наговорил. Всё останется как прежде, будешь получать всё, что тебе положено. А потом, когда выйдешь на работу, сама решишь, что делать дальше. Я не стану тебе мешать.

– Спасибо!

– Дай мне, хотя бы, твой номер телефона, старый не отвечает.

– Да, я сменила номер. Подойдя к столу, я на листочке написала свой сотовый.

– Ещё раз, прости меня!

– И ты...

Я вышла из кабинета твёрдым шагом. Прочь от боли, угрызений совести, сожалений, любопытных лиц... Прочь!

Наташа 7

В этот день я не находила себе места. Переделала кучу домашних дел, навела идеальный порядок, даже разобрала окончательно коробки Эрика и разложила его вещи по шкафам. Его рубашку, единственную не постиранную, ещё хранящую запах его тела, я бережно положила себе под подушку, чтобы хоть как-то ощущать любимого рядом...

Тоска заполнила сердце. Встреча с Виктором разбредила душевные раны. Мне стало страшно и одиноко, особенно, когда Эрика заснула, и я осталась наедине с собственными мыслями, с ужасом понимая, что остаток жизни так и пройдёт в сиротливом ожидании редких встреч с любимым человеком, который никогда не был и, возможно, не станет моим. И всё же, лучше быть одной, чем жить во лжи. Я больше никогда не стану разменивать золото на мелкие монеты. Значит, нужно привыкать к тишине и одиночеству, научиться заполнять пустоту моего жизненного пространства.

Я легла на кровать, достала из-под подушки рубашку Эрика и, уткнувшись в неё носом, тихо заплакала. Вот такая лечебная ароматерапия получилась.

Безумно жаль нас всех. Эрика с его небесным даром, разрывающегося между мной и церковью, Виктора с разбитым сердцем, маленькую Эрику, которую я обрекала расти без отца, и саму себя, конечно, тоже жаль. Выплакав запас томившейся в душе печали, я начала дремать, в этот момент и раздался телефонный звонок. Вскочила и бросилась в комнату, в надежде услышать любимый голос, но это была мама. Она только что узнала от Виктора, что мы больше не живём вместе и разводимся, рыдая, умоляла меня одуматься. Только этого вот, мне и не хватало для полного счастья.

Высказав много нелестных эпитетов в мой адрес, советов о том, как вернуться в семью и вымолить прощение у Виктора, она, в конце концов, услышала моё категорическое «нет». Сказав, что я сумасшедшая, мама бросила трубку.

Счастье, что родители живут в другом городе, иначе пытка была бы бесконечной. Я, конечно, казалась всем сумасшедшей. Любой нормальный человек подумал бы тоже самое. У меня было всё, о чём только мечтает большинство женщин: хорошо обеспеченный, сексуально привлекательный муж, можно сказать, красавец, к тому же любящий и заботливый отец нашего ребёнка; престижная работа, отпуска по заграницам, дорогая машина, шикарные вещи и украшения, театры, балы, билеты на любые концерты и светские мероприятия... Я всё пустила под откос из-за моей необузданной любви к католическому священнику, давшему обет безбрачия. Разве можно назвать такого человека здоровым?

Конечно же, нет, я потеряла рассудок, сошла с ума, но не могла поступить иначе! Оставив всё, я ни одной минуты не жалела об этом, предпочтя жить призрачной надеждой на истинное счастье.

Прийти в себя и успокоиться помог дневник Эрика. Какое счастье, что он у меня есть, что помогает мне жить и не отступить. Строки, написанные ровным прекрасным, каллиграфическим почерком дарят надежду и веру, погружая меня в другой, удивительно гармоничный духовный мир, заставляя забывать о своих переживаниях и страхах.

«Сегодня я нашёл работу в Музее народно-прикладного искусства, буду работать сторожем по ночам и кочегаром по совместительству, это огромная радость для меня. Мама собиралась идти на дополнительную работу, чтобы прокормить нас, теперь в этом не будет необходимости. Наконец-то я, хоть как-то, смогу ей помочь. К тому же, это территория парка, и Гусар может составить мне компанию, теперь не придётся часами ходить взад и вперёд в любую погоду ради встречи с ним. Идеальный подарок небес, спасибо, Господи!

Я совсем недавно узнал, что душа Гусара не может покидать этот парк. Пределы его пространства чётко ограничены ради его же собственной безопасности.

Он рассказал мне, что города переполнены сгустками энергии, которые создают человеческие мысли. Негатив соединяется с себе подобным и становится агрессивной субстанцией, способной навредить тому, кто её притянет. Так, человек думающий, к примеру, о самоубийстве, притягивает к себе подобные чужие энергетические выбросы, пока созданный им же эгрегор¹ не станет сильнее его самого, и он, в конце концов, совершит непоправимое, приведя свой план в действие, если вовремя не откажется от пагубных мыслей.

Точно так же добрые и светлые помыслы притягивают себе подобные и образуют вокруг нас энергию добра, здоровья, счастья, довольства, и так далее... Потрясающее открытие! Так вот, Гусара не пускают в город, потому что он не защищён там от воздействия этих низших энергий, опасных для него. Если у каждого живущего на земле человека есть свой Ангел-Хранитель, то у души, покончившего с собой, его уже нет. Она – самостоятельная единица. И Ангелы, проводив душу к Господу, покидают её, чтобы принять нового человека, зарождающегося для жизни. Душа, вернувшись в свой вечный дом, не нуждается в защите, так как злобная материя остаётся на нижних уровнях.

Гусар застрял здесь. И теперь вынужден ежедневно скрываться от опасностей. Интересно то, что он часто «прячется» в защитных полях деревьев, так как зло, всё же, иногда прорывается и в заповедную территорию парка, когда её проносят с собою люди. Ведь многие даже во время прогулки думают о нехороших вещах.

Деревья – уникальные создания, Гусар понимает их, также как и они его. Бесконечно устремлённые вверх они, по сути, являются передатчиками энергии Земли космосу и обратно. Деревья общаются друг с другом, способны любить и врачевать. Если пилят какое-то дерево в парке, все остальные начинают дрожать, а потеряв собрата, его оплакивают. Если бы мы знали хоть немного об этом, может быть, совсем по-другому относились бы к природе и не причиняли ей столько боли и зла.

В парке все деревья – друзья Гусара, успокаивают и жалеют его, делятся с ним информацией и силой. О них мой Учитель может говорить часами с величайшим удовольствием... Он, например, дал мне совет, если болит зуб или голова, надо прижаться к тополи, обнять его, сказать, хотя бы мысленно, что ты его любишь и попросить исцеления.

Дуб даёт жизненную силу, берёза очищает, сосна питает сердце, кедр – просто кладёзь от всех болезней. Плодоносные деревья всю силу вкладывают в плод, и каждый из них помогает при разных заболеваниях. Шишка кедра лечит даже язву, достаточно подкладывать её под больное место, а если тереть её в руках, то это успокаивает и освобождает от страха, но шишка должна быть самостоятельно сброшена кедром, и обязательно золотой – чистого светлого цвета, спелая, но не открытая. Открывшись, она выпускает свою энергию в пространство и теряет основную силу. Однажды я долго держал такую шишку в руках, и она начала трещать и открываться прямо в моих ладонях, волшебный момент!

Боже мой, мимо каких сокровищ мы проходим ежедневно в течении жизни, так и не разглядев их истинного предназначения, как слепцы, как глупые дети... Горько думать о нашем ничтожестве перед природой, о неблагодарности перед Творцом, а ведь когда-то было иначе. Многие знахари хранили эти знания, использовали их во благо людей, но таких мудрецов осталось уже совсем мало. Ни один настоящий знахарь не сорвёт цветок, прежде чем не объяснит ему, для чего это делает и попросит прощения. Всё живое на земле делится с человеком своими силами и свойствами и безропотно умирает ради нас, но для этого человек, использующий природные дары, должен быть открыт для любви, с добротой подходить к растению, быть одним целым с природой и мирозданием. Мы все созданы одним Богом и взаимосвязаны друг с другом.

¹ Эгрегор – в оккультных и новых (нетрадиционных) религиозных движениях – душа вещи, «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающий самостоятельное бытие. (Википедия)

Даже камни – живой организм, только их жизненные процессы очень медлительны по сравнению с нашими, и, поэтому, кажутся нам холодными и неживыми, но стоит согреть камень в своих руках, и он отдаст тебе свою любовь, он тоже способен выделять энергию и врачевать.

Что уже говорить о животных, если многие из них лучше и прекраснее нас и в тысячи раз умнее, стоит взять, к примеру, дельфина. Как мало мы знаем о них!.. А лошадь? Кто-нибудь задумывался о том, сколько в этом прекрасном создании души, сколько совершенства! Как тонко и чутко конь реагирует на человека, как связан с нами?

Собака, преданнее и вернее существа не сыщешь. Кот – проводник между мирами, телепат, и тоже лекарь. И вообще, каждый вид, созданный Богом, несёт свою миссию на Земле, и только мы, неблагодарные, решили, что являемся пупом земли и можем делать всё, что пожелаем. Можем убивать безнаказанно, ради собственного удовольствия! Сколько видов мы уже погубили, а сколько уже находится сейчас на грани вымирания?

Если раньше охотник поклонялся зверю, просил прощения у него и даже читал молитвы над убитым животным, охотился ровно столько, сколько необходимо для еды, и не имел на себе греха, ведь животное знало, ради чего умирает, то теперь – это превратилось просто в удовольствие, развлечение. «А не поехать ли в саванну поохотится на жирафов, или в моей гостиной будет лучше смотреться шкура тигра или медведя?» Человечеству мало свиней, кур, коров, зайцев, возвращаемых ради кастрюль? Надо убить ещё и свободного зверя! Горько от всего этого, горько и больно за весь наш мир в целом. Бог создал его для любви, но во что мы всё превратили? Человек забыл, что может пребывать в единении с природой, может быть частью всего мироздания. Мы отделили себя от него, расхищаем собственные сокровища, убиваем эту планету, ничего не давая взамен, и думаем, что безнаказанно будем так жить всегда?.. Господи, прости и вразуми нас!

Что-то я расписался сегодня. Уже час ночи, пора спать, завтра школа и первая рабочая ночь.

Я люблю Тебя, Господи, и за всё благодарю! Пусть каждый удар моего сердца будет ещё одним гимном благодарности Тебе! Пусть каждая капля моей крови – принадлежит Тебе! Моя Душа – это единый гимн восхваления Твоего Милосердия. Аминь».

Наташа 8

С этого дня я по-другому начала смотреть на деревья, если раньше только любовалась их красотой, то теперь в каждом виде ла душу, живую, прекрасную, совершенную, в которой, возможно, сейчас кто-то прячется, спасаясь от злобных мыслей, порождённых нашим бесконтрольным, безотчётным мышлением.

Мы часто гуляли с Эрикой, когда позволяла погода. Хотелось по новому научиться видеть и воспринимать этот мир. Всё преображалось вокруг, у меня исчез страх. Появилось осознание ответственности не только за каждое слово, но и каждую мысль в голове.

На минуту я представила, что Эрик видит мои мысли, и содрогнулась, столько в них всякого мелкого «мусора и хлама». О совсем плохих вещах я всегда старалась не думать, обиды быстро прощала, но вот плыть на волне настроения и думать о всякой чепухе – это, да! Тут я могла завязнуть, как в болоте.

Всё, начинаю себя контролировать, думать только о хорошем, верить в лучшее, желать миру добра! И спустя какое-то мгновение начинаешь понимать, что в голове опять полная неразбериха, кавардак. Это работа на всю жизнь. И жизни не хватит! Вот к такому выводу я пришла, горько вздохнув. Нужно учиться думать так же, как когда-то мы учились говорить.

Я прекрасно понимаю, почему душа Гусара обратилась к Эрику, кроме его дара слышать, он ещё чист сердцем и не мог причинить вреда своему Учителю.

Этот прекрасный, удивительный, потрясающий Божий Ангел. Господи, на кого я покусилась?! Это не даёт мне покоя, чем больше я читаю его дневник, тем лучше понимаю, какая пропасть стоит между нами. Чувствую себя недостойной его. При всём этом, он даже не догадывается о своей значимости, о том, насколько он хороший, замечательный, необыкновенный... Я не знаю более скромного человека. У Эрика всегда было собственное достоинство (но не гордыня) спокойное, даже смиренное состояние души, созерцающей нечто возвышенное, недоступное другим. В нём всегда сохраняется чувство какого-то безмятежного внутреннего равновесия, но его невозможно назвать невнимательным или равнодушным. Он обладает силой и какой-то просто мистической властью над людьми (стоит вспомнить, как Эрик одним словом и взглядом останавливал Вовку-Бугая ещё в свои шестнадцать лет) но никогда не использует эти способности для своей выгоды. А, ведь, мог бы, ещё как мог! Стоило мне оказаться в его объятьях, как земля начинала уплывать из-под ног, покой и блаженство обволакивали тело и душу. Если представить, что человек с таким дарованием не пошёл бы в сторону света?! Вот, опять негативные мысли в моей неконтролируемой голове, ещё и направленные к любимому человеку. Какие же мы, всё-таки... Эх, люди!

Следующая запись в его дневнике начинается со слов: «Я влюбился. Влюбился, как полный болван... как последний кретин, как мальчишка! Нужно быть с собою честным, это произошло! Хотя не должно было случиться. Ведь я знаю, что должен делать. Моё будущее predetermined. Эти мокрые от слёз глаза, в которых я так легко утонул! Она плакала в парке, даже не знаю, почему. Гусар как-то сразу исчез. Я вышел к ней навстречу, показалось, что меня кто-то звал. Стоило заглянуть в её мокрые от слёз глаза, словно током ударило или разрядом молнии... Попытался её успокоить, теперь не знаю, как успокоиться самому.

Сегодня был тяжёлый, но удивительный день, потому что, как бы я себя не корил, это потрясающее чувство, подобного которому я ещё никогда не испытывал!

Потом случилось вообще что-то невообразимое: после перепалки с Владимиром, Наташа догнала меня и у всех на глазах поцеловала руку... Это был полный нокаут. Понимаю, что она сделала это неосознанно, инстинктивно, как будто Бог показал мне, кем я должен стать. Так раньше целовали руки священникам после исповеди или благословения. Стало так больно, что я чуть не завыл! Этот поцелуй до сих пор прожигает мне душу. Но когда вновь и вновь думаю

о ней, райское блаженство нисходит, и хочется забыть обо всём, вновь и вновь прокручивая нашу встречу в памяти, чтобы заново испытать это чувство. Что же делать, Господи?! Как с этим дальше жить?..».

«Мы с тобой до сих пор не знаем ответа», – подумала я. Этот вопрос вот уже столько лет для нас по-прежнему актуален.

Наташа 9

Читаю дальше:

«Всё время стараюсь не думать о ней, и, видимо, поэтому, думаю о ней постоянно.

Гусара тоже погубила любовь, есть ли вообще лекарство от этой «болезни»? Вспоминаю Наташу, и тело пронзает сладкое томление, душа замирает в ожидании чуда, но его нельзя допустить. Что же я делаю с собой?.. Она тоже смотрит на меня по-особенному, я чувствую каждый её взгляд, ловлю каждое слово. Как глупо и нелепо, если учесть планы на будущее, в которые не входит ни любовь, ни семья. Я должен как-то справиться со своими чувствами. Ведь знаю, что должен жить по-другому, иначе мне не разобраться во всём одному.

Гусар мне многое помогает понять, но главное – что миссия, данная человеку свыше, должна быть выполнена. Так или иначе, я вынужден исполнить предначертанное мне. Значит, нужно взять себя в руки! Надо научиться быть сильнее сердечных слабостей, иначе грош мне цена».

Миленький ты мой, сколько лет жизни ты провёл в этой борьбе с собственным сердцем. А результат? Мы и ныне там, стоим на перекрёстке всех дорог и не знаем, куда идти. Как в той сказке: «Налево пойдёшь – коня украдут, направо пойдёшь – жизнь потеряешь, прямо пойдёшь – жив будёшь, да себя позабудёшь»...

Раздался звонок телефона, я вздрогнула, неужели опять мама со своими нотациями и причитаниями... На этот раз я ошиблась, это был самый желанный голос на свете:

– Привет, родная! Не разбудил тебя?

– Нет, читаю твои записи, – сказала я, с трудом дыша от переполнивших сердце чувств.

– Что ты обо всём этом думаешь? – голос опять усталый.

– Счастлива, что у меня есть возможность заглянуть в твою душу, Эрик! Многое в жизни начинаю переосмысливать, видеть по-другому. Даже не представляешь, как для меня это важно, как дорого!

– Хм, хорошо!.. Что у вас нового?

– Сегодня была у адвоката. Потом ходила к Виктору на работу, чтобы забрать документы и поговорить.

Понадобилось несколько секунд, пока Эрик смог сказать:

– И как?

– Он обещал меня отпустить. И это очень важно, без его согласия развод может длиться годами, к тому же, я очень боялась, что он попытается отобрать у меня Эрику, но он попросил только возможности видеться с ней. И ещё хорошая новость – я не уволена, представляешь? Виктор передумал. Всё остаётся по-прежнему, он будет выплачивать положенные мне деньги, как раньше, так что теперь тебе не нужно беспокоиться за нас!

– Всё равно этого мало для жизни. Ты сказала ему обо мне?

– Нет! Конечно, нет! Я не собираюсь портить тебе жизнь, ни в коем случае! Мой выбор – он только мой.

– Я не об этом. Ты зря так беспокоишься, мне уже всё равно, что подумают и скажут люди, главное то, что решит Бог. – он замолчал, как-то обречённо вздохнув. – Я был у епископа.

– И что?

– Исповедовался. Теперь он знает всё, – Эрик тянул время, словно не решаясь говорить дальше.

– Каково же решение? – не выдержала я.

– Он дал мне год на размышления. Если я за это время по-прежнему сохраню желание уйти, меня отпустят... – возникла пауза, – но при условии, что я не буду больше отлучаться

и видется с тобой. Он хочет, чтобы мы испытали свои чувства. Десяти лет ему показалось недостаточно, чтобы в них убедиться! – Эрик опять тяжело вздохнул.

– Что такое год, если мы за всё это время не потеряли свою любовь?

– Ты согласна ждать?

– Конечно. Я тебе уже говорила, что буду ждать столько, сколько понадобится! Неужели ты сомневаешься?

– Нет. Просто очень устал. Для меня невыносимо думать, что я не увижу тебя ещё целый год! Но, я вынужден исполнить предписание, потому что оно не только от епископа... – он замолчал.

– Теперь ты знаешь, что у тебя есть я. Мы справимся, слышишь?! – я не знала, как подобрать правильные слова, чтобы поддержать его. – Ты, действительно, должен подумать и тысячу раз всё взвесить, прежде, чем принять окончательное решение. Твой епископ прав, слишком резко и быстро нельзя совершать такие судьбоносные поступки! Что касается меня, мой выбор независим от твоего решения, я всё равно понимаю, что никто другой мне не нужен. У тебя же есть возможность передумать. Умоляю, подумай. Ты – очень сильный человек, Эрик! И то, что ты делаешь, важнее... – у меня дрогнул голос, мне хотелось перестать дышать, лишь бы не мучить его, отпустить, дать возможность служить дальше без душевных страданий. Эрик словно прочёл мои мысли:

– Просто дыши! Пока ты дышишь, я горы сверну. Мне нужно знать, что ты есть, Наташа.

– Ты что-то не договариваешь. Что тебя так мучает?

– Знаю, что будет, если... – он не закончил фразу. – Меня больше не отпустят.

– Ничего страшного. Не столько тебя ждала, подожду ещё. Не беспокойся обо мне, ради Бога! Живи и делай своё дело.

– Спасибо! Мне очень важно это знать. Я смирюсь. Прости меня за слабость.

– Всё будет хорошо, Эрик, я верю в тебя!

Был слышен лёгкий выдох, наверное, он улыбнулся:

– Верить надо в Бога, родная! А я, всего лишь, – человек.

– Ты измотал себя дорогами и переживаниями. Отдохнёшь, и всё встанет на свои места, вот увидишь! – я пыталась помочь, как могла.

Даже тем, кто всю жизнь помогает другим, иногда нужна помощь и поддержка.

Наташа 10

Не могла никак заснуть. Из головы не выходили слова Эрика, его подавленность и печаль.

Зажгла свечу и помолилась, прося у Милосердного Бога помощи для нас. Вот тогда и поняла, что в моих силах помочь любимому человеку. Не знаю, насколько правильны мои выводы, но сердце подсказывает мне, что настала пора и нужно действовать. Самое важное – не дать ему сломаться. Столько лет борьбы с самим собой истощили его силы, такое чувство, что Эрик на грани срыва, и все его последние поступки подтверждают это: внезапный приезд, признания, решение бросить всё, чего он достиг, к чему стремился.

Я, наконец, осознала, какое значение имею для него, и как ему необходимо моё присутствие не без помощи дневника, который раскрывает мне страницы жизни любимого человека, его мысли, желания, цели...

«Сегодня на работе Гусар рассказал мне много важного. Он не просто пополнял мои знания, но и уводил от скорбных мыслей, которые он видит уже воплощенными в образы. Мы говорили о мировых религиях.

– Бог – Един. Он может воплощаться в любой образ и приходить на Землю под разными именами. Он приходит к своим детям в том обличье, в котором Его могут принять, в зависимости от сложившихся традиций и представлений.

– Значит, все религии на Земле, истина? – спросил я.

– Все, кроме, выдуманных людьми ради собственной выгоды, власти и обогащения, таких лжепророков и сейчас предостаточно, они были всегда. Их учения не несут в себе Божьего Духа, потому не имеют большого распространения, хотя успевают соблазнить и исковеркать множество душ фанатизмом и развратить. Я говорю тебе о мировых религиях, тех, что прошли века и столетия. Каждая из них создана для определённых уровней сознания и несёт благо и Божественную Мудрость тем народам, которым она ниспослана. Каждая душа приходит на землю там, где должна родиться, в зависимости от уровня своего развития, в нужных для неё условиях и вероисповедании. Ты должен с уважением относиться ко всем религиям, почитая Единого Бога. Путь у каждого свой. И на небо ведут разные дороги, одни из них ближе и прямее, другие витиеваты и длинны, третьи тяжелы и бескомпромиссны, но каждая из них – путь Домой.

Однажды разум людской постигнет, что Бог – Един, и мы все едины. Возможно, тогда прекратятся войны и закончится вечная борьба, мир объединится, чтобы строить Царствие Бога на всех уровнях бытия, помогая друг другу. Пути у всех разные, но изначально мы приходим из одного и того же Источника и в конце возвращаемся к Нему. Мы как клетки одного организма исполняем разные функции, но составляем единое целое.

Что такое человек на физическом плане? Миллиарды живых клеток, каждая из которых имеет своё ядро и атомы, и все они между собой взаимосвязаны и взаимодействуют. Что такое Солнечная система? Солнце, вокруг которого вращаются планеты.

Каждая твоя клеточка повторяет эту систему, каждый человек является своеобразной частичкой Бога.

Вдумайся и представь! В тебе самом мириады звёзд и бесконечность. Ты – носитель материи, составляющей огромное число микроскопических систем. Почему же тогда трудно понять, что и ты сам являешься частью чего-то для тебя непостижимо огромного?! А оно, в свою очередь, чего-то ещё большего... Это и называется бесконечность.

Бог создал нас по образу и подобию Своему. Все это знают, но никто не вслушивается в эти слова. Бог – это не старичок, сидящий на облачке, Бог – это Вселенная, непостижимая для нас сущность, Высший разум, создавший всё вокруг, всепроникающий и всеобъемлющий.

Тебе трудно это понять, но вдумайся! Одни клетки в организме отмирают, другие тут же создаются. Это похоже на нашу систему перевоплощений, изношенный материал отмирает, создаётся новый, при этом энергия души вечна, она не прекращает быть. Из принципа сохранения энергии ты знаешь, что возможен переход её из одного типа в другой, но полная энергия системы, равная сумме отдельных видов энергий, сохраняется. Можно сказать, что душа – это микрочастица Бога в каждом из нас.

Планета Земля – это тоже огромный живой организм. Легко представить себе, смотри: реки – вены, вода – кровь планеты, воздух – дыхание, земля – плоть. Что у неё внутри? Огненное ядро – дух! Представил? Планета Земля всего лишь одна из множества планет Солнечной системы, а дальше больше... Космос. Ты ощущаешь размах? И так до бесконечности, всё видимое – отображение невидимого.

Мы населяем Землю, она нас терпит, потому что тоже создана Богом. Но если мы замучаем её окончательно, она найдёт способ избавиться от нас, и так было уже не раз. Человечество должно понять, что ко всему, что его окружает нужно относиться бережно, с любовью. Если бы мы осознали эту истину, связь всего сущего, то поняли бы и глубину происходящего.

Возможно, тогда, мы бы сделали эту планету счастливой, ведь она даёт нам всё необходимое для жизни. Очень жаль, что наша ступень духовного развития столь мала и ничтожна, что мы не замечаем даже то, что уже открыто и доказано. Мы забываем духовные истины, забываем, что главная миссия любого существа – это любовь. Только через неё мы можем подняться, вырасти, усовершенствоваться, поумнеть, стать лучше, чище, добрее. Мы опускаем само понятие любви до уровня удовлетворения своих собственных низменных желаний и амбиций, прерываем связь, перестаём воспринимать энергию Бога и Земли, расходуем на самих себя то, что предназначено отдавать. Тогда, когда всё живое и живущее нуждается в нашем участии, заботе, сострадании, милосердии... Хочу, чтобы ты знал: каждый из нас может изменить этот мир и существующий порядок вещей – если изменится сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.